

ЭРИКА
ЙОХАНСЕН

СУДЬБА ТИРЛИНГА

ИСТИННЫЕ ФАНАТЫ ФЭНТЕЗИ НИ ЗА ЧТО НЕ УПУСТЯТ ШАНС ПОСКОРЕЕ
ЗАПОЛУЧИТЬ ФИНАЛЬНЫЙ РОМАН ТРИЛОГИИ О ТИРЛИНГЕ.

COSMOPOLITAN

Королева Тирлинга

Эрика Йохансен
Судьба Тирлинга

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Йохансен Э.

Судьба Тирлинга / Э. Йохансен — «Издательство АСТ»,
2016 — (Королева Тирлинга)

ISBN 978-5-17-116349-5

Меньше чем за год Келси Глинн превратилась из неловкого подростка в могущественного монарха – несговорчивую королеву Тирлинга. Из-за страстного желания положить конец коррупции и восстановить справедливость она нажила множество врагов. В том числе – Красную Королеву, ее яростную соперницу, которая отправила свою армию на завоевание Тирлинга. Чтобы защитить свой народ от безжалостного вторжения, Келси совершает немыслимое – отдает себя и свои магические сапфиры в руки врага и назначает Булаву, верного командующего своей Стражей, регентом. Но Булава не успокоится, пока не освободит свою королеву, заточенную в Мортмине. Близится развязка, которая определит судьбу королевы Келси и самого Тирлинга.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-116349-5

© Йохансен Э., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Сирота	6
Книга I	12
Глава 1. Регент	12
Глава 2. Город	27
Глава 3. Демин	47
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Эрика Йохансен Судьба Тирлинга

Erika Johansen
The Fate of the Tearling

© 2016 by Erika Johansen
© И. Меньшакова, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Шейну, который никогда не пытался изменить меня.

Сирота

Задолго до того, как Красная Королева Мортмина пришла к власти, Гляс-Вер уже был беспросветной дырой. Богом забытые леса в тени Фэрвитчских гор, сухая, скудная почва с редкими островками пожухлой травы, да несколько жалких, в две – три хижины, деревушек. Редко кто решался двинуться к северу от Ситэ-Марше, только если выбора совсем не было, потому что жизнь здесь была нелегка. Каждое лето жители Гляс-Вер страдали от адской жары; каждую зиму – от лютых морозов и голода.

Однако в этом году у них появился новый повод для страха. Замерзшие домишки сбились в жалкие кучки, окруженные новыми заборами. А за ними, с ножами на изготовку, несли бессонную вахту мужчины. Луна скрылась за тучами, но эти тучи пока еще не несли с собой снега фэрвитчской зимы. В предгорьях были волки, словно жалуясь на скудность добычи. Совсем скоро, отчаявшись найти поживу, стаи двинутся на юг: там можно охотиться на белок и горностаев, а то и поживиться заплутавшим ребенком, по глупости сунувшимся в зимний лес. Но сейчас, в два ночи, вся стая разом смолкла. И лишь жалобные стоны ветра разносились теперь над Гляс-Вер.

В сумраке холмов мелькнула неясная тень – темная фигура мужчины, взбиравшегося по крутому склону. Он шагал уверенно, но не без опаски, словно ожидал нападения. Ничто не выдавало его присутствия среди других теней, кроме еле слышного быстрого дыхания. Он пришел из Итонской чащи, задержавшись в деревушке на пару дней, прежде чем продолжить путь на север. За эти дни до него дошло множество историй о проклятии, обрушившемся на местных жителей – о чудовище, приходящем в темноте и крадущем детей. В верховьях Фэрвитчских гор его с давних времен называли Сиротой. Прежде жители Гляс-Вер не сталкивались с этой бедой, но в последнее время дети начали пропадать и здесь. За два дня мужчина узнал достаточно. Местные могли называть чудовище Сиротой, но ему было известно, кто это на самом деле. И зная это, мужчина, хоть и бегавший быстрее газели, не мог скрыться от своей совести.

«Он на свободе, – мрачно размышлял Ловкач, пробираясь сквозь заросли на склоне. – Я не прикончил его, пока мог, и вот теперь он снова свободен».

Эта мысль не давала ему покоя. Долгие годы он не обращал внимание на то, что творил Роу Финн, потому что считал, что тот заперт. Порой, раз в несколько лет, пропадал ребенок. Ужасно, но всегда находились беды и посерьезнее. Взять хотя бы Тирлинг, где каждый месяц по пятьдесят детей отправляли в никуда с полного одобрения государства. Еще задолго до начала отправок королевство Тира напоминало избалованного ребенка, за которым требуется глаз да глаз. Короли династии Рэйли были либо безразличными ко всему, либо жестокими, знать старалась урвать кусок побольше, а простые люди голодали. Три долгих столетия Ловкач наблюдал, как королевство мечты Уильяма Тира все глубже погружается в темную трясину. Не осталось в Тирлинге никого, кто представлял бы лучший мир Тира даже в мыслях, не говоря уже о том, чтобы набраться смелости и сражаться за него. Лишь Ловкач и его люди знали, что это, и помнили о нем. Ведь они не старились, не умирали. Даже крал Ловкач просто, чтобы чем-то себя занять. Он находил особое наслаждение в том, чтобы преследовать самых мерзких из Рэйли. Он продолжал лениво приглядывать за потомками Тира, хотя и пытаясь убедить себя, что это важно. Кровь Тира несложно было распознать, ведь в каждом из его потомков в итоге проявлялись определенные качества: честность, ум и стальная воля. За эти годы нескольких Тиров повесили как предателей, но даже в петле они сохраняли этот неуловимый налет благородства, отличавший всю фамилию. Ловкачу было знакомо это ощущение: аура Уильяма Тира, магнетизм, благодаря которому около двух тысяч человек пересекли с ним океан, отправляясь в полнейшую неизвестность. Даже Мортийская сучка, какой бы мерзавкой она ни была, несла

в себе отпечаток этого благородства. Но у Красной Королевы не было потомков. Долгое время Ловкач думал, что династия Тиров прервалась.

И тут появилась девчонка.

Ловкач скривился, когда шип впился в его ладонь. Правда, пробить кожу ему не удалось; его раны уже вечность не кровоточили. Он пытался убить себя несчетное количество раз, пока не понял, что это бесполезно. И он, и Роу оба были наказаны, но теперь он понял, как был слеп тогда. Роуленд Финн ни на минуту в своей жизни не прекращал строить чудовищные планы. Он тоже все это время ждал девчонку.

Она была первой наследницей династии Рэйли, которая выросла вне стен Цитадели. Ловкач часто наблюдал за ней, тайком пробираясь к коттеджу, когда у него было свободное время, а иногда даже когда никакого времени не было. Сначала он ничего особенного не замечал. Келси Рэйли была тихим, погруженным в себя ребенком. Ее образованием в основном занималась леди Глинн, эта нестигаемая железная дама, но Ловкач чувствовал, как личность девочки медленно, но верно формируется под влиянием старого Стража Королевы, Бартоломея. Став старше, девочка ушла в книги. Это, как ничто другое, убедило Ловкача в том, что она заслуживает более пристального внимания. Его воспоминания о Тирах постепенно стирались, тускнели, словно затянутые дымкой времени. Но это он помнил отлично: Тирь всегда любили книги. Однажды он наблюдал, как девчушка, устроившись под деревом недалеко от коттеджа, читала какую-то толстенную книгу часа четыре или пять подряд. Ловкач прятался среди ветвей почти в тридцати футах от нее, но он мог узнать ту самую увлеченность, когда видел ее прямо перед собой; даже спустись он с дерева и устройся рядом, вряд ли бы она обратила на него внимание. Она действительно походила на Тиров, теперь он точно знал это. Она жила в двух мирах: том, что в голове, и том, что вокруг нее.

С тех самых пор один из его людей всегда присматривал за коттеджем. Если кто-то проявлял излишний интерес к его обитателям – пару раз следом за Бартоломеем с ближайшего деревенского рынка шли незнакомцы – то больше о нем никто ничего не слышал. Ловкач даже не был уверен, зачем он тратит на это столько усилий. Это было сродни инстинкту, а Уильям Тир еще в самом начале учил их прислушиваться к своим инстинктам, доверять им. Ловкач нутром чуял, что девчушка отличается от всех. Она важнее.

«Она может оказаться одной из Тиров, – заявил он своей команде однажды у ночного костра. – Может».

Так могло бы быть. В Страже Элиссы были несколько парней, чье происхождение так и осталось неизвестным. Тир она или нет, но девчушка требовала пристального внимания, и с годами он слегка изменил направление своей деятельности. Как только Томас Рэйли демонстрировал намерения вступить в союз с одним из влиятельных аристократов Тирлинга, Ловкач обращал самое пристальное внимание на этого беднягу: грабил его караваны и склады, опустошал поля и исчезал в ночи. Пара грабежей под носом у Томаса – и ни о каком союзе речи больше не шло. В то же время Ловкач вел подпольную работу в Мортмине, прямо за спиной у Красной Королевы. Ловкач понимал, если девчушка сможет добраться до трона, то ей придется доказать право на него, разобравшись с отправкой рабов. Мортмин был отличным полем деятельности для любого, кто знал, как устроить беспорядки, и теперь, после нескольких лет кропотливого труда, там назревал серьезный мятеж. Все эти годы он был слишком поглощен своими заботами и планами, и поэтому позволил Роу Финну выскользнуть из поля зрения.

Внезапно возникший среди камней силуэт заставил его резко остановиться. Для любого человека он был бы всего лишь темным пятном, но Ловкач, наделенный даром ночного видения, разглядел в нем ребенка: мальчика, пяти-шести лет от роду. Из одежды на нем были лишь жалкие лохмотья, а кожа побелела от холода. На бледном личике выделялись темные непроливаемые глаза. Он был бос.

От одного взгляда на маленькую фигурку Ловкача до самых костей продрал мороз.

«Я не прикончил его, пока мог».

Мальчишка рванулся вперед, и Ловкач зашипел на него, словно рассерженный кот. Глаза ребенка, горевшие предвкушением, внезапно потускнели, и он озадаченно уставился на Ловкача.

– Я тебе не по зубам, – отрезал Ловкач. – Ступай, приведи хозяина.

Мальчишка разглядывал его еще мгновение, а затем скрылся среди камней. Ловкач прикрыл глаза, чувствуя, как качнулся мир и внутри него начал закручиваться всепоглощающий темный вихрь. В тот момент, когда девчушка расколола Новолондонский Мост, к нему пришла абсолютная уверенность, но с тех самых пор не прошло и мгновения без сомнений. Она была во власти мортийцев, и Хоуэлл в последнем донесении ясно дал понять, что ее собираются везти в Демин. Истинная Королева наконец-то появилась, но, похоже, было слишком поздно.

Что-то двигалось вниз по склону. Вроде просто пятно, темное на темном, но оно не ускользнуло от взора Ловкача. Он не сдвинулся с места, продолжая ждать. Последний раз, когда они встречались, был... когда? Больше двух веков назад, тогда на троне еще сидел Джеймс Рэйли. Ловкач хотел проверить, сможет ли Роу убить его. Встреча действительно окончилась битвой, но ни одному из них не удалось пролить ни капли крови.

«Мы были друзьями, – внезапно вспомнил Ловкач. – Добрыми друзьями».

Но все это осталось в прошлом, и, кажется, с тех пор прошла целая вечность. Когда темное пятно перед ним превратилось в мужчину, Ловкач напрягся. Жители Фэрвитчских гор окружили фигуру Сироты множеством мифов и легенд, но среди откровенных выдумок была и крупица правды: говорили, что у него два лица, одно светлое и одно темное. Какое же он покажет сегодня?

Светлое. Лицо, обращенное к Ловкачу, было ему давно знакомо: все такое же бледное, полное высокомерия. И лукавства. Роу всегда мог и черта уговорить; когда-то давно он смог убедить и Ловкача принять самое ужасное решение в своей жизни. Они молча разглядывали друг друга, стоя на открытом всем ветрам склоне, и Мортмин раскинулся за их спинами.

– Чего ты хочешь? – спросил Роу.

– Хочу отговорить тебя от этого. – Ловкач обвел рукой склон, лежащий у их ног. – От того пути, что ты выбрал. Ничего хорошего из этого не выйдет, даже для тебя.

– А с чего ты решил, что тебе известен мой путь?

– Ты идешь на юг, Роу. Я видел твоих тварей, рыскающих по ночам в деревнях неподалеку от Гляс-Вер. Мне неизвестна твоя конечная цель, но бедные мортийские крестьяне, определенно не имеют к ней никакого отношения. Почему бы тебе не оставить их в покое?

– Моих деток нужно кормить.

Ловкач ощутил движение справа от себя: одна из них, на это раз девчонка лет десяти, уселась на вершине скалы, уставившись на него напряженным неподвижным взглядом.

– И сколько у тебя теперь детей, Роу?

– Скоро будет легион.

Ловкач застыл, чувствуя, как где-то внутри разрастается темная дыра.

– И что потом?

Роу лишь широко улыбнулся. В этой улыбке не было ничего человеческого, и Ловкачу с трудом удалось не отшатнуться.

– Однажды ты уже разрушил королевство Тира, Роу. Ты правда хочешь сделать это снова?

– Мне помогли его разрушить, мой друг. Неужели прошло так много времени, что ты успел забыть? Или найти себе оправдание?

– Я помню о своих грехах. И пытаюсь искупить их.

– И как ты с этим живешь? – Роу указал на лежащую под ними землю. – Мортмин превратился в сточную канаву. Тир по-прежнему тонет.

– Неправда. Его удержат на плаву.

– Девчонка? – Роу издал смешок, глухой и безрадостный. – Да ладно, Гэв. У нее нет ничего, кроме верного пса и дара управлять толпой.

– Меня ты не проведешь, Роу. Ты тоже ее боишься.

Долгое мгновение Роу молчал, а затем спросил:

– Что ты здесь делаешь, Гэв?

– Служу девчонке.

– А! Так ты снова переметнулся.

Укол достиг цели, но Ловкач не отреагировал на провокацию.

– У нее твой сапфир, Роу. И сапфир Тиров, а еще их кровь. Она была там.

Роу замер с непроницаемым выражением лица.

– Где?

– В прошлом. Она видела Лили, видела Тира.

– С чего ты взял?

– Она сама сказала, а она не лгунья. Это лишь вопрос времени, когда она доберется до Джонатана. До нас.

Роу не ответил. Его взгляд скользил от скалы к скале. Ловкач, чувствуя, что ему удалось пробить брешь в стене его равнодушия, задавил в себе гнев и снова ринулся в бой.

– Разве ты не понимаешь, Роу, что это все меняет?

– Это ничего не меняет.

Ловкач вздохнул. У него в рукаве осталась последняя карта – информация, которую он берег на крайний случай. Это были отчаянные меры, ведь они заставят Роу начать охоту. Но таких мер требовали нынешние тяжелые времена. Королева у мортийцев, а без нее, Ловкач подозревал, Тирлинг разлетится на куски и без помощи Роу.

– Корона объявилась.

Роу вздернул голову вверх, словно собака, учуявшая что-то в воздухе.

– Корона?

– Да.

– Где?

Ловкач не ответил.

– С чего ты взял, что это не корона Рэйли?

– Потому что ту я уничтожил много лет назад, чтоб она наверняка не досталась Томасу. Это настоящая корона, Роу.

– Моя корона.

У Ловкача сердце упало. Давным-давно он помог этому человеку по доброй воле. Они оба совершали ужасные преступления, но раскаялся лишь он. Роу хватал, присваивал и никогда не оглядывался назад. На секунду у него мелькнула мысль, что он зря вообще пришел сюда, но он загнал ее поглубже и продолжил.

– Если бы корона оказалась в наших руках, Роу, мы могли бы отдать ее девочке, чтобы она все исправила. Могли бы искупить прошлое.

– Тебя все эти годы мучило раскаяние, и ты решил, что всех остальных тоже. Твои терзания совести меня не касаются. Если моя корона где-то там, я верну ее.

– И что потом? Никакие богатства мира не исправят того, что случилось с нами.

– Теперь мне понятен твой замысел. Думаешь, девчонка сможет тебя прикончить.

– Может и так.

– Но захочет ли она? – Роу скривил губы в злобной ухмылке. – У нее все на лице написано. Ясно, что она без ума от тебя.

– Она видит лишь красивого молодого мужчину.

– Зачем ты на самом деле явился сюда? – спросил Роу, придвинувшись ближе, и Ловкач заметил красноватый отблеск в его глазах. – Чего надеялся добиться?

– Я надеялся, что мы сможем договориться. Помоги мне найти корону. Помоги восстановить Тирлинг. Никогда не поздно, Роу, даже сейчас.

– Не поздно для чего?

– Искупить наши преступления.

– Я не совершал преступлений! – прошипел Роу, и Ловкач обрадовался, что еще может задеть его за живое. – Я просто хотел сделать как лучше.

– А Кэти?

– Тебе пора уходить.

Теперь в глазах Роу пылал огонь, а лицо побледнело.

«По крайней мере, что-то он еще чувствует», – подумал Ловкач, и тут же понял, как мало это значит. Никакое другое чувство в мире не было способно победить жадность Роу.

– А если я не уйду?

– Тогда я отдам тебя своим деткам.

Ловкач бросил взгляд на девочку, застывшую на скале неподалеку. Ее глаза горели лихорадочным блеском, и он, помимо воли, почувствовал себя неудобно. Вид ее босых ног, пальцев, вцепившихся в ледяной камень, по какой-то неясной причине приводил его в смятение.

– Что они такое, Роу?

– Ты никогда особо не любил читать, Гэв. Это древняя магия, древнее Перехода, и даже Христа. А они – древние твари, но послушные моей воле.

– И ты спускаешь их на Гляс-Вер?

– Им нужно не больше, чем любому дикому животному.

В этой фразе было так много от истинного Роу, что Ловкач чуть не рассмеялся. Словно он в свои четырнадцать снова оказался с пятнадцатилетним Роу на берегу Кадделла, с удочками в руках.

– Теперь ступай, – велел Роу низким, зловещим голосом. Лицо его при этом так побелело, словно разом утратило все краски. – И не вставай у меня на пути.

– Или что, Роу? Я жажду смерти.

– Жаждешь смерти других?

– Девчонка?

Ловкач замер, и Роу ухмыльнулся.

– Она освободила меня, Гэв, развеяла мое проклятие. Больше она мне не нужна. Если ты встанешь у меня на пути, если *она* встанет у меня на пути, я ее прикончу. Для меня это будет легче легкого.

– Роу.

Внезапно Ловкач осознал, что перешел к мольбам.

– Не делай этого. Вспомни о Джонатане.

– Джонатан мертв, Гэв. И ты помог мне убить его.

Ловкач рванул к нему и ударил. Роу отлетел и врезался в ближайшую скалу, но Ловкач знал, что, когда тот поднимется, на нем не будет ни царапины.

– Ах, Гэв, – прошептал Роу. – Разве тебе все мало?

– Нет.

– Ты строишь свой новый мир, я – свой. Посмотрим, кто из нас в итоге достигнет вершины.

– А что с короной?

– *Моей* короной. Если она где-то там, я найду ее.

Ловкач отвернулся и поплелся вниз, то и дело оскальзываясь на спуске. Шагов через десять он понял, что глаза его туманит влага. Порывы ветра пробирали до костей. Думать о Тире без слез он не мог, поэтому постарался переключиться на что-нибудь другое.

Святой отец пропал больше месяца назад, и его след успел остыть. Люди Ловкача работали по всему северному и центральному Мортмину, но некоторых из них теперь придется отозвать. Лира и Моргана, может быть, Хоуэлла. Ловкач потратил уйму времени, возвращая мятеж, что сейчас бушевал на землях Мортмина, но корона была важнее. Им всем нужно заняться ее поисками. А ведь была ещё и девчонка...

Он почувствовал спиной чей-то взгляд, обернулся и ощутил, как холодок скользнул вдоль хребта. Весь склон за ним был усеян детьми, с бледными лицами, темными глазами... и босыми ступнями.

– Боже, – выдавил он. Эта ночь, казалось, была полна фантомами прошлого, и он, словно наяву, услышал сквозь века голос Джонатана Тира.

«Мы не проиграем, Гэв. Как мы можем проиграть?»

– Мы проиграли, – прошептал Ловкач. – Господи Боже, мы проиграли вчистую.

Он отвернулся и продолжил спуск, не заботясь об осторожности, перешел на бег. Пару раз он почти потерял равновесие, но не упал. Достигнув подножия горы, он бросился бежать напрямик через холмы, к рожице, где оставил коня.

* * *

Высоко на склоне собрались молчаливые дети, похожие на пену на гребне гигантской волны. Они дышали ровно, и звук их хриплого дыхания эхом отражался от скал, но пар из их ртов не шел. Роу Финн стоял перед ними, глядя на крошечную фигурку внизу. Когда-то Гэвин было невероятно легко управлять. Те дни остались позади, как и сам Гэвин, чья истинная сущность растворилась в выдуманном им образе ставшего легендой Ловкача. Он мог бы стать настоящей проблемой, но, глядя на океан бледных детских лиц позади него, Роу был уверен в успехе. Они всегда делали то, что им велели, и были постоянно, неистребимо голодны. И ждали лишь его приказа.

– Корона, – прошептал он, чувствуя, как огромное волнение наполняет его, волнение, знакомое ему с давних пор: охота началась и конец ее обещал быть кровавым. Он ждал почти три сотни лет.

– Ступайте.

Книга I

Глава 1. Регент

Если рассматривать его в ретроспективе, то Регентство времен Королевы Глинн вовсе не было Регентством. Роль регента проста: беречь трон и обеспечивать защиту от узурпаторов в отсутствие законного правителя. Как истинный воин, Булава как никто другой подходил на эту роль, но, помимо этого, за внешностью воина скрывалась натура проницательного политика и, что самое странное, беззаветная вера в идеи Королевы Глинн. После отмены угрозы второго мортийского вторжения, Регент не сидел сложа руки, ожидая возвращения хозяйки; напротив, он поставил все свои потрясающие способности на службу ее идеям, ее Тирлингу.

«Древняя история Тирлинга в изложении Мервиниана».

За время, проведенное в пути, Келси привыкла открывать глаза всякий раз, когда повозку встряхивало. Этот способ подходил для того, чтобы отмечать проходящее время, и хоть иногда увидеть кусочек-другой окрестностей. Но вот стих дождь и выглянуло яркое солнце, из-за чего у Келси разболелась голова. Когда очередная встряска выдернула ее из казавшегося нескончаемым забытья, она заставила себя не открывать глаза и, прислушавшись, начала различать, как движутся лошади вокруг повозки, звеня сбруей и цокая копытами.

– Не особо много нам перепало, – по-мортийски проворчал мужской голос справа от нее.

– У нас есть жалованье, – возразил ему другой.

– Сущие гроши.

– Что правда, то правда, – вмешался третий. – Мне надо крышу дома перекрыть. На это нашего жалования не хватит.

– Кончай ныть!

– А сам-то что? Знаешь, отчего мы домой с пустыми руками тащимся?

– Я – солдат. Мне платят не за то, чтобы я что-то там знал.

– Был тут слушок, – мрачно проворчал первый. – Поговаривают, что генералы и их приближенные полковники, Дукарте и прочие, получают *свою* долю.

– Какую долю? Добычи-то нет!

– А им добыча ни к чему. Она отдаст им все деньгами, из казны, а мы останемся ни с чем!

– Враки все это. С чего бы ей платить им за просто так?

– А кто вообще может сказать, что у Алой леди на уме?

– Хватит! Хочешь, чтоб нас лейтенант услышал?

– Но...

– Закрой *рот*!

Келси прислушивалась еще с минуту, но больше ничего не услышала и снова подставила лицо под лучи солнца. Несмотря на жуткую головную боль, свет оказывал благотворное действие на ее ушибы, словно впитываясь в кожу, чтобы восстановить поврежденные ткани. Она довольно давно не видела своего отражения в зеркале, но на ощупь нос и щеки все еще были опухшими, и можно было представить себе, как сейчас выглядит ее лицо.

«Круг замкнулся, – подумала она, с трудом удержавшись от мрачного смешка, когда повозка налетела на очередную колдобину. – Сначала, я вижу Лили, потом становлюсь Лили, и наконец, у нас с ней даже появляются одинаковые ушибы».

Келси была в плену уже десять дней, и шесть из них она провела привязанной к опорному шесту в мортийской палатке, а следующие четыре – связанной в повозке. Ее окружали закованные в броню всадники, заставляя отказаться от любых мыслей о побеге, но в данный момент они не беспокоили Келси. Источник проблем расположился у дальней стены повозки и пристально пялился на нее, жмурясь от солнца.

Келси понятия не имела, где мортийцы его нашли. Он был не стар, по виду не старше Пэна, с ухоженной бородкой-косичкой, спускающейся с подбородка. Он не походил на главного тюремщика; на самом деле, Келси сомневалась, есть ли у него хоть какая-нибудь официальная должность. Или, скорее, кто-то просто сунул ему ключи от оков и велел присматривать за ней? И чем больше она об этом думала, тем сильнее становилась ее уверенность в том, что так и было. Красную Королеву она даже мельком не видела с того самого утра в палатке. И вся эта затея с пленом заметно походила на импровизацию.

– Как ты, красотка? – спросил тюремщик.

Она не обратила на него внимания, хотя в желудке что-то противно сжалось. Он звал ее красоткой, но Келси сомневалась, что речь шла о ее внешности. Теперь она *действительно* стала красивой, как две капли воды походя на Лили. Но она отдала бы что-угодно, чтобы вернуть свое прежнее лицо, хоть и сомневалась, что та заурядная внешность помогла бы ей избавиться от его внимания. На третий день в палатке он тщательно и с особым старанием избил ее, метя по лицу и груди. Келси не знала, что вывело его из себя, и злился ли он вообще; все это время лицо его было пустым, без малейшего отблеска эмоций.

«Если бы у меня были мои сапфиры», – подумала она, уставившись на него в ответ и не опуская взгляд, чтобы он не заподозрил ее в слабости. Слабость его заводила. Много часов Келси провела в фантазиях о том, что бы она сделала, если бы удалось вернуть свои камни назад. За свое недолгое правление она успела столкнуться с жестокостью в самых разных формах, но угроза, исходящая от тюремщика, была для нее внове: жестокость без видимой причины и цели. Именно ее бессмысленность приводила Келси в отчаяние, что, в свою очередь, снова напоминало ей о Лили. Как-то ночью, около недели назад, ей приснился сон о Лили и Переходе – яркий, бессвязный кошмар, смешение огня, бушующего океана и лучей рассветного солнца. А ведь жизнь Лили была каким-то образом скрыта в сапфирах, теперь потерянных для Келси, и сейчас она недоумевала, и отчасти злилась, какого дьявола ей пришлось увидеть и узнать так много, с головой окунуться в эту жизнь. Теперь у нее было лицо Лили, волосы Лили, а еще ее воспоминания. Но к чему все это, если ей не суждено увидеть конец истории? Роу Финн сказал ей, что она из рода Тиров, но ей было неизвестно, стоит ли это хоть чего-нибудь без камней. Даже ее временная корона – диадема леди Эндрюс – пропала где-то в лагере. Все, что связывало ее с прежней жизнью, осталось далеко позади.

«Во имя благой цели.»

Это так. Она знала, что придется ставить Тирийское королевство превыше себя. Возможно, в конце этого путешествия ее ждет смерть – она понятия не имела, почему все еще жива – но после себя она оставит свободное королевство с хорошим правителем во главе. Перед ее мысленным взором возник Булава, мрачный, угрюмый, но в этот момент казавшийся таким родным, что от тоски по нему слезы наворачивались на глаза. Усилив воли она загнала их обратно, зная, что сидящего рядом надсмотрщика порадует ее горе. Ее не покидала уверенность, что он жестоко избил ее именно потому, что она не проронила и слезинки.

«Лазарь», – подумала она, стараясь развеять гнетущую тоску. Теперь Булава сидел на троне, и, хотя его представления о мире не во всем совпадали с ее собственными, он сможет стать достойным правителем, честным и справедливым. И все-таки где-то глубоко внутри Келси чувствовала мучительную боль, нарастающую с каждой пройденной милей. Она никогда еще не покидала свое королевство, ни разу в жизни. И хотя она не понимала, почему еще жива, она практически была уверена, что умрет в Мортмине.

Легкое прикосновение к ноге заставило ее вздрогнуть. Тюремщик перебрался со своего конца повозки и теперь одним пальцем гладил ее ногу. Едва ли даже внезапно вспухший гнойник смог бы вызвать у нее большее отвращение. Тюремщик ухмылялся, словно ожидая ее реакции.

«Я уже мертва», – напомнила себе Келси. Фактически, она уже много месяцев считалась покойницей, но продолжала ходить. Эта мысль принесла с собой ощущение невероятной свободы. Именно поэтому она подтянула к себе ноги, словно пытаясь свернуться клубком в углу повозки, а затем, в последний момент резко выгнула спину и пнула мерзавца прямо в лицо.

Он отлетел в сторону, с грохотом ударившись о дно повозки. Всадники вокруг разразились злорадным хохотом, Келси чувствовала, что ее тюремщик не пользовался особой любовью у окружающих, но это вряд ли могло ей чем-нибудь помочь. Она поджала ноги под себя и выставила вперед скованные руки, готовая сражаться. Тюремщик сел, казалось, не заметив, что из одной ноздри у него кровь стекает прямо к верхней губе, и даже не пытаясь утереться.

– Я просто играл, – обиженно протянул он. – Разве такая красоточка не любит игры?

Келси не ответила. Внезапные смены настроения стали для нее первым указанием на то, что у него не все в порядке с головой. Ей никак не удавалось установить какие-либо закономерности в его поведении. Гнев, замешательство, изумление... каждый раз он реагировал по-новому. Мужчина наконец заметил кровь и промокнул ее тыльной стороной ладони, тут же вытерев ее об пол повозки.

– Красоточка должна вести себя хорошо! – начал он въедливым тоном занудного учителя, отчитывающего непоседливого ученика. – Ведь это я теперь о ней забочусь.

Келси забилась в угол повозки, снова с тоской вспомнив о своих сапфирах, а затем с внезапным удивлением осознала, что всерьез намеревается пережить это путешествие. Тюремщик был лишь одним из череды препятствий, которые ей предстояло преодолеть. В конце концов, ей нужно вернуться домой.

«Красная Королева ни за что не позволит этому случиться.

Но тогда зачем она везет меня в Демин?

Чтобы убить. Она, похоже, жаждала украсить твоей головой Пиковый Холм».

Но такой вариант показался Келси слишком простым. Красная Королева была весьма решительной женщиной. Если бы она хотела смерти Келси, то труп той остался бы гнить на берегах Кадделла. Похоже, Красной Королеве все еще что-то от нее нужно, а значит у нее есть шанс однажды вернуться домой.

Дом. На этот раз она подумала не о земле, а о людях. Лазарь. Пэн. Ловкач. Андали. Арлисс. Элстон. Кибб. Корин. Дайер. Гален. Веллмер. Отец Тайлер. На секунду Келси увидела всех, словно они собрались вокруг нее. Затем видение исчезло, оставив ее один на один с палящим солнцем и головной болью. Ни одного видения, лишь ее разум, пытающийся вырваться из плена избитого тела. Больше не будет никакой магии; ее реальностью стала пыльная повозка, неумолимо движущаяся вперед, унося ее прочь от дома.

* * *

Булава никогда не сидел на троне.

Иногда Айсе казалось, что он мог бы. У Стражи это стало одной из любимых шуток: Булава, целенаправленно и решительно взбирается на помост... и усаживается на верхней ступеньке, сложив мощные руки на коленях. Если день был нелегким, он мог снизойти до потрепанного кресла, стоящего неподалеку, но сам трон – возвышающаяся над залом глыба сверкающего серебра – всегда был пуст, напоминая им всем о том, что Королевы нет. Айса была уверена, что Булава именно этого и добивался.

Сегодня Булава к помосту даже не приблизился – вместо этого он предпочел устроиться во главе королевского обеденного стола. Айса стояла прямо за его спиной. Стоять остались еще несколько людей: даже такой огромный стол не мог вместить всех присутствующих. Айса решила, что особой угрозы для Булавы здесь нет, но руку с рукоятки ножа не снимала все равно. Впрочем, она вообще редко отпускала рукоять, даже во сне. В первую ночь после моста – вся жизнь по внутреннему ощущению Айсы разделилась на До и После Моста – Булава выделил ей собственную комнату на территории казарм Стражи. Как бы Айса ни любила своих братьев и сестер, но свобода от них принесла ей настоящее облегчение. Та часть жизни, старая, семейная часть, казалось, осталась позади, когда она начала работать в Страже. Для нее просто не осталось места. Айса чувствовала себя в безопасности в своей новой комнате, больше, чем где бы то ни было, но иногда, просыпаясь по утрам, она ловила себя на том, что сжимает рукоять ножа.

Рядом с Булавой с одной из своих вонючих сигарет в зубах сидел Арлисс и тасовал бумаги из стопки, лежащей перед ним. Арлисс жил в мире цифр и данных, но Айсе трудно было представить, чем они здесь могут помочь. Беду с Королевой бумагами было не исправить.

Следующим за Арлиссом сидел генерал Холл в сопровождении своего помощника, полковника Блазера. Оба были в полной броне, поскольку явились прямо с передовой. Всю последнюю неделю остатки тирийской армии сопровождали мортийское войско, пересекавшее Кадделл и медленно, но верно двигавшееся на запад, через Алмонд. И сколь невозможным это бы ни казалось, но мортийцы отступали – снимали осаду и направлялись назад, в Мортмин.

Но почему?

Никто не знал. От тирийской армии практически ничего не осталось, а защитные сооружения Нового Лондона были не прочнее бумажной ширмы; как заметил Элстон, мортийцы могли просто смести их. В армии Тира пристально следили за противником, если тот замыслил какую-то ловушку, но похоже, что даже Булава поверил, что отступление реально. Мортийцы уходили. В этом не было никакого смысла, и тем не менее, это происходило. Генерал Холл сказал, что на обратном пути вражеские солдаты даже не занимались грабежом.

Все эти новости были хорошими, но царящая за столом атмосфера была далека от радостной. О Королеве по-прежнему было ничего не известно. В бывшем лагере мортийцев ее тела не нашли.

Маман сказала, что Королева теперь пленница, и одна мысль об этом заставляла кровь Айсы вскипать в венах. Самой главной обязанностью Королевской Стражи было охранять свою правительницу от любой беды, и пусть Королева была жива, но она находилась во власти врага. Даже Маман не могла сказать, что с ней случилось в лагере мортийцев.

По другую руку от Булавы сидел Пэн, бледный и изможденный. Какие бы муки не испытывали Айса и прочие Стражи при мысли о нынешнем положении Королевы, никто из них не страдал так, как Пэн, бывший ее личным стражем *...и даже больше*, подумала Айса. В последние дни толку от него было мало; он лишь пил и хандрил, а когда кто-нибудь окликал его, просто с отсутствующим выражением поднимал глаза. Какая-то часть Пэна умерла в тот день, когда Королева разрушила мост, и, хотя сейчас он сидел рядом с Булавой, на месте личного стража, его потерянный взгляд не отрывался от стола. Корин, сидящий рядом с ним, был, как обычно настороже, и Айса не особо беспокоилась; однако, она не переставала гадать, как долго еще Элстон станет терпеть Пэна. И кто решится произнести вслух то, что известно всем: что Пэн больше не годится для этой работы?

– Давайте начинать, – объявил Булава. – Какие новости?

Генерал Холл прочистил горло.

– Я прошу слова первым, сэр. На то есть важная причина.

– Что ж, тогда слушаем тебя. Где мортийцы?

– Они в центральном Алмонте, сэр, приближаются к устью Криты. Проходят не менее пяти миль в день, а с тех пор, как стих дождь, и все десять.

– Ничего не оставляют?

Холл покачал головой.

– Мы все осмотрели в поисках ловушек. Думаю, они отступают по-настоящему.

– Ну, наконец хоть что-то.

– Да, но, сэр...

– А что с беженцами? – вмешался Арлисс. – Их уже можно отправлять по домам?

– Вряд ли это сейчас безопасно. Не в след мортийскому обозу, это точно.

– В северном Реддике уже выпал снег, генерал. Если мы не соберем урожай сейчас, потом собирать будет просто нечего. – Арлисс замолк, выпуская облако дыма. – К тому же над нами нависли обычные для любого перенаселенного города проблемы: избыток отходов, нехватка воды, эпидемии. И чем быстрее мы очистим город, тем лучше. Может быть, если вы...

– Мы видели Королеву.

За столом воцарилась напряженная тишина, полная ожидания. Даже Пэн, похоже, проснулся.

– Чего умолк? – рявкнул Булава. – Докладывай!

– Мы заметили ее вчера утром, отряд был в устье Криты. Она жива, но в цепях, прикована к повозке. Побег невозможен.

– Она развалила чертов мост на две части! – возразил Арлисс. – Какими цепями ее нужно приковать?

Холл ответил довольно холодно.

– Мы не смогли ее как следует разглядеть: слишком много вокруг мортийских всадников. Но у одного из моих людей, Лью, зрение ястреба. И он почти уверен, что у Королевы на шее больше нет ни одного из сапфиров Тира.

– В каком она состоянии? – вмешался Пэн.

Красные пятна проступили на щеках Холла, и он повернулся к Булаве.

– Может нам лучше обсудить это...

– Ты расскажешь это сейчас. – Пэн зловеще понизил голос. – Она ранена?

Холл беспомощно посмотрел на Булаву, и тот кивнул.

– Да. Лицо все в синяках; это даже я смог разглядеть в подзорную трубу. Ее били.

Пэн рухнул в кресло. Айса не видела его лица, но это ей было не нужно. Его опущенные плечи сказали все. Несколько мгновений за столом царил молчок.

– По крайней мере, она стояла в повозке, – наконец отважился нарушить тишину Холл. – Значит, еще может стоять. Не думаю, что у нее есть переломы.

– Где едет эта повозка? – спросил Булава.

– В окружении мортийской кавалерии.

– Шансы при прямом нападении?

– Нет. Даже если бы от моей армии не остались жалкие клочки, мортийцы не оставили ни малейшей лазейки. Конница вокруг ее повозки растянулась футов на сто. Ее везут по Мортийскому тракту очень быстро, обгоняя пехоту. Могу лишь предположить, что они направляются прямо в Демин.

– В подземелья Дворца. – Пэн подпер голову рукой. – И как нам, черт возьми, ее оттуда вытаскивать?

– Мортийский мятеж расползается все шире, и скоро достигнет Демина, – напомнил ему Булава. – Люди Левье нам помогут.

– Откуда ты знаешь, что ему можно доверять?

– Я знаю.

Айса удивленно подняла брови. Она не думала о Левье, покинувшем Цитадель чуть больше недели назад. Он был красавчиком, но внешность в драке неважна. Один из его людей, Ален, знал немало карточных фокусов, но до Брэдшоу ему было далеко. Фокусник мог бы пробраться в подземелья мортийского Дворца, но Булава не доверял фокусникам.

– Теперь у Красной Королевы точно будут проблемы на внутреннем фронте, – задумчиво протянул Арлисс. – Добычи нет... ни золота, ни женщин. Не знаю, как она заставила свое войско отступить, но радости это у них точно не вызывает.

– На это Левье и рассчитывал. Солдаты без гроша становятся замечательными мятежниками. Он полагает, что сможет завербовать очень многих, как только армия вернется в Мортмин.

– А нам-то что с того, – вскинулся Пэн, – если Королевы у нас все равно нет?

– Об этом поговорим позже, Пэн, – предостерегающе начал Булава. – Успокойся.

Айса нахмурилась. Булава продолжал нянчиться с Пэном, пытаясь разговорами вытащить его из депрессии и не обращая внимания на нарушения субординации с его стороны. Будь Айса командиром, она бы надолго отстранила Пэна, а если и это не помогло бы, как следует начистила бы ему физиономию.

– Продолжайте направлять отчеты об отступлении, – велел Булава Холлу, – но помните, ваша главная цель – Королева. Выберите двух своих лучших людей, которые будут сопровождать ее в Мортмин. Пусть они не выпускают ее из вида. Свободны.

Холл и Блазер встали, поклонились и направились к дверям.

– Нужно поговорить об Арвате, – сказал Арлисс.

– А что с ним?

Арлисс собрал свои бумаги и отложил их в сторону.

– Этим утром толпа мародеров прошлась по городу, есть разрушения. Похоже, они собрались на Кольце и оттуда прошли до самого Нижнего тупика.

– Толпы частенько собираются.

– Эти были особенными. Их основным лозунгом была борьба с недостатком нравственности при правлении Королевы.

Булава нахмурился, а следом за ним и Айса. Пусть проблема мортийской армии почти перестала быть актуальной, на ее месте возникла другая: святой отец. В тот самый день, когда Королева покинула город, Арват публично объявил о своем отказе платить налог на собственность и о намерении отпустить этот грех любому мирянину, решившему поступить также.

– И что связывает эту толпу с Арватом? – спросил Корин.

– Ничего, – ответил Арлисс. – Толпа рассосалась задолго до того, как городские констебли добрались до нее. К тому же, у нас больше нет армии, способной подавить гражданские волнения. Но они ворвались в один из домов на границе тупика и избили двух живущих там женщин. За аморальное поведение.

У Булавы дернулась щека.

– Святой отец полагает, что, если он надавит на меня, я не стану собирать введенные Королевой налоги. Он ошибается.

– Дворяне по-прежнему отказываются платить налоги, кроме Мидоузов и Гиллонов. Значительная часть казны уйдет на Ясли. Мы лишились пошлины с поста на мосту. Через пару месяцев мы будем по уши в долгах.

– Они заплатят. – Булава растянул губы в усмешке, такой кровожадной, что Айса отшатнулась, но секунду спустя его лицо приобрело прежнее выражение. – Есть что-нибудь о двух священниках?

– Ничего. Они испарились. Но Арват уже в курсе, что мы спорим о сумме вознаграждения за их поимку. – Арлисс снова закопался в свои бумаги. – Во вчерашнем письме Святой отец потребовал, чтобы мы отозвали свое предложение, во имя неба.

– Во имя неба, – повторил Булава. – Придет день, и я лично отправлю этого лицемера на встречу с Иисусом.

– И еще одна неприятная новость. Два дня назад один из моих осведомителей заметил группу священников, обходной дорогой покидающих Новый Лондон.

– Куда они направились?

– Вероятнее всего в Демин. Мой человек засек их далеко на Мортийском Тракте.

Булава помрачнел.

– Нам отправляться в погоню? – спросил Элстон.

– Нет, – ответил Булава после секундного размышления. – Если он связался с Красной Королевой, мой источник во Дворце сообщит нам, что ему нужно. Что еще?

Арлисс кинул взгляд на свой список.

– Нам нужно собрать урожай, пока не лег снег. Во всем королевстве острая нехватка свежих фруктов и овощей. Думаю, те фермеры, кому удастся первыми приступить к уборке, смогут устанавливать на рынке свои цены.

– Для тех, кто работает на помещика, это не важно.

– Да, но вся знать все еще в Новом Лондоне. – Арлисс усмехнулся, и так ехидно, что Айса почувствовала к нему симпатию, несмотря на его вонючие сигареты и все прочее. – Если лорду не удалось уследить за своей землей, когда по ней шли мортйцы, кто теперь скажет, куда делся урожай?

– А что, если мортйцы грабят поля на пути домой? – требовательно спросил Элстон.

– Не грабят. Я специально уточнил у помощника Холла. Они ничего не трогают, Бог знает почему. – Арлисс пожал плечами. – Нужно отправить фермеров собирать сливки. Даже пары дней работы им хватит, чтобы пережить зиму, если они станут первыми на рынке. А их успех вдохновит остальных.

Булава медленно кивнул.

– Займись этим.

– Мерритт все еще ждет, сэр, – напомнил ему Элстон.

– Сколько кейденов с ним?

– Трое.

– И все?

– Да, сэр. Но это не просто кейдены. Это братья Миллеры.

– Ого. – С минуту Булава обдумывал услышанное. Айса не знала, кто такие братья Миллеры, но слышала жаркие споры по поводу того, пускать ли кейденов в Королевское Крыло. Элстону это не нравилось, как и большинству Стражей, но Булава был решительно настроен принять их, и Айса надеялась, что он настоит на своем. Ей ужасно хотелось рассмотреть настоящих убийц Кейдена живьем.

– Хорошо, зови их.

Булава поднялся на помост и Айса в ожидании затаила дыхание. Но он проигнорировал трон и уселся на верхней ступеньке как раз тогда, когда Дэвин впустил кейденов в зал.

Их глава, Мерритт, был значительно выше шести футов, но двигался как Булава, скользящим шагом крупного мужчины, способного развить огромную скорость. Его лоб был обезображен уродливым шрамом. Айса, у которой после обучения остались шрамы от ножа на ладонях и предплечьях, сомневалась, что этот рубец остался на месте чистой резаной раны. Случись Айсе угадывать, чем ее нанесли, она назвала бы человеческие ногти. Ей доводилось слышать о Мерритте; как, впрочем, и любому другому жителю страны, ведь даже среди кейденов он считался элитой. Но вот три стоящих позади него человека были загадкой.

Они вошли в комнату треугольником – один впереди, два по бокам. Эта оборонительная фигура была ей знакома по собственным тренировкам. Их плащи цвета свежей крови неуместно ярко выделялись на фоне серых каменных стен Цитадели. Внешне эти трое не

были похожи: один высокий, один среднего роста, один коротышка, с волосами разнообразных оттенков каштанового, от песочных до темных. И все же была в них какая-то схожесть, не внешняя, которую Айса не могла выявить. Когда двигался один, за ним следовали два других; они действовали синхронно без слов или других сигналов, и похоже, работали вместе уже много лет. Элстон, временно занявший должность капитана, предупредил, что никто из кейденов не должен приближаться к Булаве ближе, чем на десять футов, и теперь Айса была признательна ему за это предупреждение. Похоже, с этими тремя могли быть серьезные проблемы.

Мерритт, в свою очередь, указал на трех своих спутников.

– Миллеры. Кристофер, Дэниел, Джеймс.

С секунду Булава рассматривал их, а потом заявил:

– Слышал, вас вышвырнули из гильдии.

– В гильдии передумали, – мягко возразил Кристофер, самый высокий.

– Почему?

– Мы приносим пользу, Лорд Регент.

– Вы ее приносили шесть лет назад. С тех пор я о вас ничего не слышал.

– Мы без дела не сидели, – вставил Джеймс.

– Ну, еще бы. – Тон Булавы сочился ядом. – Вы охотились на Королеву.

Трое мужчин хранили молчание, непримиримо глядя на Булаву, и тот, наконец, смягчился.

– Оставим прошлое в прошлом. У меня есть работа для вас и всех членов гильдии, кто пожелает присоединиться.

– У нашей гильдии много заказов, – ответил Джеймс, но его ответ показался Айсе заученной отговоркой. Ей стало интересно, всегда ли они сначала отказываются.

– Да, много, – согласился Булава, и в его голосе проскользнула насмешка. – Слышали мы о них. Кейдены-разбойники, кейдены-мальчики по вызову, кейдены ведут собачьи бои, и кое-что похуже.

– Нам приходится этим заниматься. И что с того?

– Это все ниже вашего достоинства, не на это вы соглашались, вступая в гильдию. И этим вы наносите удар по ее репутации. У меня есть работа получше. Сложная и опасная. К тому же, требующая определенной тонкости. Даже если бы в моем распоряжении по-прежнему была армия, я бы не доверил эту работу солдатам.

Третий из кейденов, Дэниел, впервые вставил свое слово.

– И что это за работа?

– Очистить Ясли.

Джеймс хмыкнул.

– Легко. Все, что вам нужно, это побольше воды.

– Все не так просто, – возразил Булава без улыбки. – Там очень тесно, много женщин и детей, подвергающихся опасности. Как и мужчин, Королева бы непременно это отметила. Я хочу, чтобы невиновных вывели оттуда невредимыми, а сутенеров и владельцев – живыми и под охраной.

– Какова оплата?

– Фиксированная ставка. Десять тысяч в месяц за три полных месяца. Если ваша гильдия не закончит к этому сроку, сомневаюсь, что это вообще возможно будет сделать.

– Премия за досрочное выполнение?

Булава посмотрел на нехотя кивнувшего Арлисса и сказал:

– Уложите – и учтите, я имею ввиду *окончательно* – в два месяца, мы заплатим вам за три.

Миллеры сбились в кучку, совещаясь, а все присутствующие ждали их решения. Мерритт в обсуждении не участвовал, просто бесстрастно наблюдал со стороны. Он уже согла-

сился помогать им бесплатно; Булава сказал, что у него долг перед Королевой. Но Айсу терзали сомнения. Что за долг может заставить кейдена работать бесплатно?

Над ней возвышался Булава, с кажущимся безразличием рассматривавший трех братьев. Но Айсу ему было не обмануть. Что-то им двигало. До Моста она ни разу не слышала о Яслях, и никто при ней не говорил о них в открытую, но к этому моменту она успела услышать достаточно, чтобы представлять себе, что это за место: лабиринт под городом, где царили самые ужасные пороки, куда детей, даже младше Айсы, продавали для развлечений и прибыли. Сама мысль об этом месте была для нее мучительной. Па был мерзавцем, но он был один. Мысль о том, что таких, как он, может быть много, и все они творят ужасные вещи, что где-то под землей множество детей проходит через тот же кошмар, что и она... эта мысль терзала ее, не давая спать ночами. Казалось, та же мысль не дает покоя и Булаве, потому что они с Арлисом тратили много сил на Ясли, хоть старик и жалел денег. Никто не препятствовал Булаве в этом деле, однако его не устраивала скорость работы, и теперь Айса явственно различала тень Королевы за его плечом. Торопящую, направляющую его.

Кейдены пришли к какому-то соглашению и повернулись к Булаве. За всех говорил Кристофер.

– Мы расскажем о вашем предложении на следующем общем собрании гильдии. Тем временем, мы трое посмотрим, что представляет собой работа, без оплаты и взаимных обязательств.

– Справедливо, – признал Булава. – Раз вы пока работаете без оплаты, я не буду ставить вам сроков. Но время имеет большое значение. Мне бы хотелось, чтобы все было закончено до того, как домой вернется Королева.

Трое кейденов подняли глаза.

– С чего вы взяли, что она вернется? – спросил Джеймс.

– Вернется, – ответил Булава тоном, не предполагавшим возражений.

– Если вы согласитесь на эту работу, свяжитесь со мной по поводу оплаты, – обратился к наемникам Арлисс. – Никаких авансов и прочей чепухи, можете даже не пытаться.

– Однако, я все же решусь просить кое-какой аванс, – возразил Дэниел. – Девчонка, вон та.

Он указал на Айсу.

– Мы слышали о ней, – продолжил он. – Говорят, ее нож – продолжение руки, но мы такого еще не встречали. Прежде, чем мы уйдем, могу я попросить продемонстрировать ее таланты?

Булава помрачнел.

– Хочешь сражаться с ребенком?

Айса скривилась. Она ненавидела, когда вспоминали о ее возрасте.

– Не по-настоящему, Лорд Регент, – уточнил Дэниел. – Только в качестве демонстрации.

Булава вопросительно взглянул на Айсу, и та с готовностью кивнула. Драться с одним из кейденов. Тут даже ничья была бы невероятной удачей.

– Если тебя ранят, чертовка, – шепнул Булава, склонившись к ней, – будешь объясняться с матерью *сама*.

Айса тем временем уже расстегивала крепления брони, сбрасывала ее и доставала нож из ножен. Он был такой же, как и всей Стражи: подобие старой модели Белланда, имеющей и ровную, и волнистую кромку, но Фелл доработал этот нож специально для Айсы. Ее руки были маленькими, и Веннер решил, что ей нужна более узкая рукоять и облегченное лезвие. Фелл отдал эскиз лучшему кузнецу-оружейнику, и в результате получился нож, держать который было одно удовольствие. Веннер всегда говорил, что у хорошего мастера оружие становится продолжением руки, но Айсе казалось, что нож стал не просто продолжением руки, а частью

ее самой, и эта часть помогала ей держать в узде своих демонов. Даже тень Па отступала, когда Айса брала нож в руки.

Кейден, Дэниел, снял все остальное оружие, но в руке у него притаился нож, чье лезвие было длиннее, чем у ее собственного. Веннер это тоже заметил, потому что он указал на клинок Дэниела и заявил:

– Нечестная драка!

– Неравенство – естественная часть любого сражения, – ответил Дэниел, обращаясь к Булаве. – Я еще и почти на фут выше нее. Но, раз уж она еще ребенок, я буду держать рукоять выше, чем привык. Идет?

Булава посмотрел на Айсу, и она кивнула. Она бы сражалась, даже если бы преимущество противника было намного серьезнее; в такой битве больше славы.

– Будь внимательна, девочка! – напомнил Веннер. – Помни о своих преимуществах!

Айса крепко обхватила рукоять ножа, опустив его острием вниз. Веннер не раз говорил ей, что ее маленький рост всегда будет помехой в драке, но она может компенсировать это скоростью и хитростью. Остальные Стражи окружили их, образуя двадцатифутовый круг, и Айса отметила, что вокруг заключаются пары.

– У меня нет намерения ранить тебя, – обратился к ней Дэниел, занимая позицию в десяти футах от нее. – Просто хочу посмотреть, что ты умеешь.

Эти слова ничего не значили. Веннер и Фелл тоже не собирались ранить ее, но у Айсы на руках уже было несколько залеченных порезов. Драка есть драка.

– Нападай, – велел Дэниел, но она не стала. Веннер учил, что поспешное нападение – всегда ошибка. Если напасть без видимого преимущества, можно открыть собственное горло и ребра для удара.

– Осторожная, да? – подначивал Дэниел.

Айса не ответила; она пыталась оценить противника. Он держал руки прижатыми к ребрам, экономя энергию. Однако, было очевидно, что его захват шире. Если она хочет подбаться к нему, придется принять как минимум один удар на предплечье. Она начала с серии аккуратных выпадов, двигаясь медленнее, чем обычно и не показывая, на что способна. Кровь пела в ее жилах; Веннер сказал бы, что это адреналин, но она-то знала, что это песня битвы, когда ты загнан в угол, и не на кого рассчитывать, кроме себя и своего ножа. Во рту появился привкус металла.

Кейден внезапно рванулся вперед, сделав отвлекающее движение одной рукой, и в то же время нанося удар другой. Но Айса уже умела концентрировать внимание на руке с ножом, и легко уклонилась, кувыркнулась и тут же вскочила на ноги.

– Быстра, – отметил Дэниел.

Айса не ответила, сосредоточившись на том, что заметила, когда кейден поворачивался к ней: его левая нога была слаба. Хромота или, скорее всего, недавняя рана. Он берег ногу, держа ее вне зоны поражения. Айса провела ложный выпад, делая вид, что целится кейдену в горло, и выдохнула со свистом, когда его нож рассек ей предплечье. Но одновременно с этим она резко пнула его в левую коленную чашечку, напрягая палец, как учил ее Булава. Кейден сдавленно рыкнул от боли, оступился и упал на пол.

– Ха! Вот это да! – вскрикнул Веннер. – Заканчивай, девочка! Давай, пока он на полу!

Она прыгнула на спину кейдена, целясь ножом ему в горло, но он успел блокировать удар и теперь у нее не выходил хороший захват. Он произвел потрясающий бросок, швырнув ее через свои плечи, и пришла очередь Айсы стонать, когда она приложилась спиной и головой о жесткий каменный пол.

– Все нормально, Айса? – окликнул Булава.

Она не обратила внимания и поднялась на ноги, не спуская глаз с кейдена, кружившего над ней. Она зацепила его, достав колено, но и он ее тоже зацепил; порез на предплечье был

глубоким и кровоточил, заливая свободную руку кровью. Веннер тренировал ее выносливость, но она уже начала уставать, а ее движения замедлились. Она перехватила нож, выискивая еще один удобный момент. Кейден ни за что больше не подпустит ее к своей больной ноге, но ее прежние неуклюжие маневры возымели успех; он уже не так тщательно, как прежде, прикрывал ребра. Она может сделать один удачный выпад, но ей это дорого обойдется.

– Смотри под ноги, – сказал Дэниел. – На полу кровь.

– Хочешь, чтобы я посмотрела вниз, да?

Ухмыльнувшись, он перекинул нож в правую руку. Стражи вокруг заворчали, но Айса осталась спокойной; Веннер тоже менял руки. Она отвела глаза от нужной ей точки, незащищенного броней участка ребер прямо под его левой рукой. Она столкнулась с превосходящим ее противником, более высоким, быстрым и умелым, и, если бы они дрались до смерти, была бы уже мертва. Но сейчас ей всего-то надо было обозначить касание.

Она поймала момент, когда он решил нападать, увидев, как он делает глубокий вдох перед тем, как атаковать ее широким взмахом ножа, целящегося ей в плечо. Айса нырнула ему под руку и резанула ножом по ребрам. Удар вышел не особо удачным; нож почти выпал из ее руки, и в ту же самую секунду она почувствовала укол в плечо. Однако и он зашипел от боли, прямо перед тем, как схватить и крутануть ее. Айса потеряла равновесие, а через секунду уже беспомощно замерла в его руках с ножом у горла. Она застыла, тяжело дыша. Кейден же был спокоен. – Отпусти ее, – велел Булава.

Дэниел разжал руки, и Айса повернулась к нему лицом. Одну долгую секунду они просто стояли, глядя друг на друга, пока стражи вокруг них спорили и передавали друг другу монеты.

– Как у тебя с мечом? – спросил Дэниел.

– Посредственно, – призналась Айса. Незначительные успехи в овладении мечом были для нее большим вопросом.

– Я щадил тебя, девочка, но не слишком, а ведь я лучше всех в гильдии дерусь на ножах. – Он изучающе посмотрел на нее. – Отлично работаешь с ножами, но с мечами – средне... дитя мое, ты не Страж Королевы. Ты – убийца. Когда ты подрастешь и сбежишь из этого склепа, приходи к нам.

Он тронул порез на ребрах, и показал Булаве окрашенные кровью пальцы.

– Спасибо, Лорд Регент. Отличное представление.

Айса подхватила броню и вернулась на свое место у помоста. Кибб подмигнул ей, когда она проходила мимо. Прилаживая нагрудник, она вытерла кровь с руки. Когда встреча окончится, Булава, наверное, позволит ей пойти к Корину, чтобы перевязать рану, но не сейчас, потому что она сама просила позволить ей драться. И это было справедливо, но кровь все текла, и ей пришлось оборвать нижнюю часть разорванного рукава, чтобы перетянуть руку.

– Наши дела здесь закончены, – обратился Кристофер к Булаве. – Мы вернемся, когда гильдия даст ответ.

– Если гильдия даст добро, я могу выделить вам человек двадцать из Королевской Стражи в помощь.

– Нет необходимости. Нам любители не нужны.

Ропот недовольства прошел по рядам Стражи, но Миллеры уже направлялись к выходу. Мерритт хмыкнул.

– Мне не особо нравятся эти трое, но для ваших целей, Лорд Регент, они просто идеальны. Что до меня, я готов служить Королеве.

Он последовал за прочими кейденами к двери, и Айса почувствовала, как расслабляются сведенные напряжением мышцы. И хотя она никому бы в этом не призналась, слова Дэниела засели у нее в голове.

– Остается Королевна, так? – уточнил Арлисс. Во время драки он оставался за столом, чем немало удивил Айсу; она была уверена, что Арлисс будет собирать ставки в первых рядах.

– Что нужно сделать?

– Мы отправимся за ней, – ответил Булава. – Но она убьет меня, если я оставлю королевство разваливаться на кусочки за моей спиной. Нужно что-то придумать.

Айса почувствовала, как кто-то легонько коснулся ее плеча, обернулась и увидела, что Корин осматривает ее раны.

– Страшно выглядит, девочка моя, но рана не слишком глубокая. Подними рукав, и я все это зашью.

Айса послушно оторвала остатки рукава.

– Ты здорово дралась сейчас, чертовка, – заметил Булава. – Но ты позволила ему лишить тебя равновесия.

– Знаю, – выдавила Айса, сжав зубы, когда Корин взялся обрабатывать ее раны. – Он был быстрее меня.

– Юношеская неловкость. Это не надолго.

Для Айсы даже день был слишком долгим сроком. Она чувствовала, что застряла на каком-то ужасном перепутье: слишком взрослая, чтобы быть ребенком, слишком маленькая, чтобы считаться взрослой. Она стремилась работать как взрослые, делать свое дело, зарабатывать деньги и отвечать за себя. Она училась сражаться, но многие уроки ей не преподавали, она их просто впитывала: как вести себя на людях, как ставить интересы Стражи выше своих, а Королеву – превыше всего. Это были уроки взросления, и Айса принимала их как должное. И все же бывали моменты, когда ей хотелось побежать к Маман, положить ей голову на плечо, чтобы она пожалела дочь, как раньше, когда Айсу постоянно третировал отец.

«Я не могу получить и то, и другое».

Игла Корины проткнула кожу на ее предплечье, и Айса судорожно вздохнула. Никто в Страже об этом не говорил, но она и так знала, что важно не только то, как ты дерешься, но и то, как справляешься с ранами. Ища, чем бы отвлечься, она спросила:

– Что значит «изгнали»?

– Что?

– Те кейдены. Вы сказали, что их изгнали.

– Так и было, лет шесть назад. Они лишили гильдию солидного куша, за это их и вышвырнули.

– Ай! – вскрикнула Айса. Корин своей иглой задел какой-то нерв. – А что они натворили?

– Жила-была знатная дама, леди Кросс. На нее положил глаз лорд Тэйр – скорее, на земли ее семьи – но леди Кросс была тайно помолвлена с молодым человеком из Алмонта, бедным фермером-арендатором, поэтому она всякий раз отказывала лорду Тэйру. Тогда лорд Тэйр похитил ее, привез в свой замок на юге Реддика и запер в башне. Он поклялся, что она покинет башню лишь тогда, когда согласится стать его женой.

– Женитьба – это глупость, – отрезала Айса, стиснув зубы, пока Корин затягивал нить. – Меня в такое ни за что не заманить.

– Конечно, нет, – вставил Булава со смешком. – Но леди Кросс, не будучи воительницей, хотела замуж, причем замуж за своего возлюбленного. Она просидела в башне у лорда Тэйра два месяца, но была по-прежнему непоколебима. И тогда ему в голову пришла великолепная идея – лишить ее еды.

– Он пытался *голодом* заставить ее стать его женой? – скривилась Айса. – А почему она просто не вышла за него и не сбежала?

– Церковь Господня не признает разводов, девочка моя. У мужа всегда есть право вернуть жену домой.

Па так и делал, вспомнила Айса. Несколько раз Маман велела им собирать немногочисленные пожитки и убегала с ними прочь, но каждый раз им приходилось возвращаться домой, с Па.

– И что потом?

– Ну, леди Кросс таяла с каждым днем, все так же отказываясь идти под венец. В королевстве вся эта история вызвала жаркие споры.

– А ее жених ничего не сделал?

– Не так уж много он и мог. Он, правда, предложил Тэйру те гроши, что у него были. Семья леди Кросс также пыталась ее выкупить, но безуспешно. К тому времени лорда Тэйра уже не волновала сама женитьба: его гордость задевало то, что он не может заставить женщину подчиниться. Многие дворяне просили у Регента помощи от имени леди Кросс, но тот отказался использовать армию Тира в, как он полагал, семейной ссоре. Наконец, когда стало очевидно, что леди Кросс скорее умрет в этой проклятой башне, чем выйдет за Тэйра, ее семья собрала деньги и наняла кейденов, чтобы выволнить узницу.

– И они смогли? – спросила Айса. Рассказ заворочил ее; она словно слушала одну из волшебных сказок Маман.

– Да, и блестяще провернули это дело, – вставил Элстон. – Джеймс притворился кузеном леди, приехавшим умолять ее уступить, а Кристофер и Дэниел – его подручными. Они поговорили с леди около часа, и когда вышли, та дала согласие на брак с лордом Тэйром. Тот был так рад, что венчание назначил прямо на следующей неделе.

«Обманный маневр», – подумала Айса. Иногда ей казалось, что вся жизнь – это просто затяжное сражение, со всеми финтами и обманками.

– Всю неделю до венчания лорд Тэйр держал невесту под усиленной охраной, но все королевство было убеждено, что она действительно сдалась. Наш капитан утверждал, что нет, – Элстон козырнул Булаве двумя пальцами, – а вот мы купились, но вовсе не стали думать о леди Кросс хуже. Смерть от голода ужасна.

– И что потом? – спросила Айса. Корин занялся ее бицепсом, но она едва это заметила.

– В день венчания леди Кросс была разодета в пух и прах. Арват прислал местного епископа для проведения церемонии. Лорд Тэйр пригласил полкоролевства засвидетельствовать его победу, и церковь была битком набита стражей и гостями. Кроссы отказались присутствовать, но вся остальная аристократия, включая Регента, приехала. Леди Кросс встала у алтаря и повторяла за епископом каждое слово, всю двухчасовую церемонию, пока они наконец-то не были повенчаны.

– Что?

– Венчание прошло спокойно, и, скажу я тебе, лорд Тэйр вздохнул свободно, лишь когда все закончилось. Он получил ее земли и титул, а большего ему и не нужно было. Жених остался внизу напиваться со своей охраной, а невеста отправилась наверх снять свадебный наряд. Через час Тэйр отправился на поиски жены, но она исчезла. Ее похитили у него из-под носа. К тому времени, как снарядили погоню, она проехала уже пол-Реддика.

– Но она же была замужем.

– Похоже на то, правда? Лорд Тэйр впал в ярость, снарядил за кейденами погоню с собаками, а когда не смог их догнать, пожаловался Регенту. Два дня прошло прежде, чем кому-то пришлось в голову обратиться к епископу, проводившему венчание, а когда до него добрались, оказалось, что все время с самого венчания он провел в своем дворце, связанный, так же, как и его стража. Епископ изрядно оголодал и был в бешенстве, и определенно не проводил церемонию венчания.

– В том-то и вся соль, чертовка, – вмешался Булава. – Я в латыни не силен, но знаю тех, кто ее понимает. Они-то и сказали, что вместо свадебной церемонии была какая-то тарабарщина. Сначала длинная проповедь о достоинствах чеснока, затем еще одна о правилах игры в регби и еще Бог знает о чем. Леди Кросс поклялась любить и уважать пиво всю свою жизнь. Видишь ли, она знала латынь, а лорд Тэйр – нет.

Айса с минуту обдумывала его слова.

– А как насчет гостей?

– Многие из присутствующих знали латынь, в том числе и друзья лорда Тэйра. Но никто из них не сказал ни слова до тех пор, пока их не пригласили свидетельствовать о том, что венчание было фальшивым. Трое кейденов шли на риск, и он оправдался. К тому моменту все королевство сочувствовало леди Кросс. Только садисты и женоненавистники желали ей попасть в эти сети, и кейдены сильно рисковали, предположив, что никто из них не говорит на латыни.

– Неплохой ход, – проворчал Арлисс. – Я на этой свадьбе потерял целое состояние.

– И что лорд Тэйр сделал, когда все узнал?

– О, он клялся на каждом углу, что поквитается с ними всеми: с леди Кросс, кейденами и фальшивым епископом – которого так и не нашли. Но у него не было никаких прав на эту леди, а к тому времени, как все выяснилось, она была уже со своим фермером.

– И вышла за него замуж?

– Да, а в результате семья лишила ее наследства. Вот тут-то Миллеры и прокололись; они должны были доставить леди к ее семье, но вместо этого отвезли к ее фермеру. Кроссы выплачивали только половину обещанного гонорара. Кейдены взбесились и вышибли братьев из гильдии. К тому же их отлучили от Церкви Господней, хотя сомневаюсь, что их это беспокоило.

– Но они это сделали, – задумчиво протянула Айса. – Спасли ее.

– Да, за весьма немалые деньги.

– А лорд Тэйр? Что стало с ним?

– О, он так и сидит в своем замке, мрачный как туча, – ответил Булава. – Его поймали на участии в заговоре против Королевы, и, если бы мне удалось доказать, что он был весной на Аргосском перевале, на его шею давно бы надели петлю. Но пока я оставляю его в покое.

Это было обидно. В настоящей сказке злодей был бы наказан.

– Они всегда работают вместе? – спросила она. – Эти три брата?

– Да. Многие кейдены работают маленькими группами, особенно когда у них есть особые таланты. Но они могут и объединяться. Если все кейдены возьмутся за выполнение одного заказа, это будет незабываемое событие.

– Но почему Ясли, сэр? – спросил Корин. – Я думал, главное – освободить Королеву.

– Так и есть, но она не простит мне, если я буду заниматься только ее спасением. Видишь ли, это было ее поручение. – Булава моргнул, и на секунду Айсе показалось, что в глазах его блеснули слезы. – Я не понял тогда, что она имеет в виду, но она поручила мне разобраться с этим гадюшником. Она велела защищать слабых и сильных, и это нельзя отложить до тех пор, когда она вернется домой.

И тут в огромные двойные двери Королевского Крыла кто-то начал долбить кулаком. Стража окружила Булаву. Девин и Ки приоткрыли небольшую щель в дверях, но появилась лишь служанка из Цитадели в белой униформе. Айса не могла разобрать ни слова, но истерические нотки в голосе женщины были отчетливо слышны любому в зале.

– Что там, Ки? – окликнул Булава.

– Внизу проблема, сэр. С ведьмой Торна.

– Какая?

Служанка из Цитадели уставилась на Булаву выпученными глазами. Она была уже не молода, и сейчас лицо ее было белым от ужаса.

– Говори!

– Она пропала, – с трудом выдавила женщина.

– Что с Уиллом? Ее стражником?

Но та не смогла ответить. Булава, выругавшись, слетел со ступенек и понесся в Королевское Крыло. Айса ринулась за ним по коридору, через три лестничных пролета, к импровизированной тюрьме ведьмы. Она боялась Бренну; они все ее боялись, даже самые смелые из

Стражей. Идти в комнату ведьмы было опасно, но Айса никак не могла выкинуть слова кейдена из головы.

«Когда подрастешь, приходи к нам».

Они миновали последний поворот, и Булава резко затормозил в десяти футах от комнаты Бренны. Перед распахнутой дверью виднелась лужа крови. Ее острый запах ударил в нос Айсе. Вокруг лужи уже всюду роились мухи, одна из которых принялась кружить около головы девочки, пока та от нее не отмахнулась.

Булава намеревался войти, но Элстон выставил руку.

– Сэр. Позвольте мы войдем первыми.

Булава кивнул, но Айса почувствовала, что запрет пробудил в нем раздражение. Элстон и Кибб вошли в комнату, и Айса увязалась следом, одновременно желая и не желая увидеть, что там. Она выглянула из-за спины Элстона и тут же отшатнулась, увидев ярко красную кучу плоти в углу.

– Здесь безопасно?

– Да, сэр, – ответил Элстон странным голосом и отступил перед приближающимся Булавой, открывая Айсе вид на комнату, о чем она тут же пожалела. Уилл лежал на полу, и его горло было разодрано, словно на него напал дикий зверь. Айсе прежде никогда не доводилось видеть мертвых; она боялась, что нахлынет тошнота, но ее желудок воспринял ужасное зрелище спокойно. Булава никогда не позволял Айсе оставаться с Бренной один на один; и оба раза, когда ей выпадало дежурство здесь, она работала в паре сначала с Корином, а затем с Киббом. Уилл был отличным Стражем, но для ведьмы он стал легкой добычей. Может быть, им всем нужно было работать в парах.

Кибб опустился рядом с телом Уилла, и теперь рассматривал одну из его рук, покрытую кровью.

– Кожа у него под ногтями, сэр. – Кибб поднял голову. – Думаю, он сделал это сам.

Айса снова кинула взгляд – не без некоторого нездорового любопытства – на то, что осталось от шеи Уилла. С чего бы человек стал раздирать себе горло?

«Я стала сильнее, чем была, – осознала она, глядя на тело. – Я могу это вынести. И возможно, что однажды я смогу вынести что угодно».

– Найдите нескольких слуг с крепкими желудками, чтобы убрать все это, – велел Булава. – И убедитесь, что Ивен сюда не заглянет.

– Отправить погоню за ведьмой?

– Нет. Назначьте награду, конечно; она не простая пленница. Но вряд ли это что-то даст. В прошлый раз Корин схватил ее по чистой случайности.

– Но я готов поставить свой меч на то, что мы знаем, куда она пойдет, – прошептал Корин. – Боже, взгляните на это.

Айса оторвала взгляд от кровавых останков на полу. Комната у Бренны была чистой и удобной, не роскошной, но просторной и с хорошей мебелью. Остатки недавнего обеда стояли на столе, привлекая мух. Но Корин говорил о дальней стене, и увидев ее, Айса глубоко, судорожно вздохнула. Стену покрывали странные символы, сбившиеся в жуткий хоровод вокруг единственного слова, написанного, как и они, кровью.

ГЛИНН

Глава 2. Город

Группа преданных утопистов, совершивших первый Переход с Уильямом Тиром, разделяла его заветную мечту о обществе без войн и дискриминации. Почти две тысячи переселенцев поселились в предгорьях Клейтонской горной гряды, там, где позже возник современный Новый Лондон. Они учились обрабатывать землю, принимали решения голосованием на общем собрании и заботились друг о друге. В этой идиллии город рос и ширился; население увеличилось почти в два раза всего через поколение после Перехода. Религия была строго личным делом, а насилие находилось под запретом. На сторонний взгляд, Уильям Тир воплотил свою мечту в жизнь.

«Древняя история Тирлинга в изложении Мервиниана».

Путь на холм был долгим и трудным.

Кэти Райс проделывала его уже бесчисленное количество раз: вверх по извилистой тропке, петляющей по склону, и так всю дорогу от реки до Города. Она знала там все наизусть: раскрошенную скалу, словно указатель встречающую ее за третьим поворотом, рощицу молодых дубков, едва виднеющихся из-за склона где-то на полпути, ту ее часть, что все редела под жестокими ударами ветров. На прошлой неделе во время собрания Уильям Тир вспоминал об этом участке и сказал, что пора за него браться и как-то укреплять. Он попросил откликнуться добровольцев, и тут же сотни рук взлетели в воздух.

Да, Кэти знала эту тропку, но это не мешало девушке ненавидеть ее. Она терпеть не могла долгую ходьбу, когда заняться нечем и остается только думать. Но овечья ферма была на вершине холма, а Кэти любила шерсть с той же страстью, с какой ненавидела ходьбу. Ей было всего три, когда мама впервые дала ей в руки вязальные спицы, и теперь, в четырнадцать, она не только лучше всех в Городе вязала, но и была одной из лучших прях и красильщиц. И этот поход был платой за возможность прясть и красить шерсть самой.

Она миновала лесок и увидела Город: сотни маленьких деревянных домиков, расположившихся на округлой вершине холма. Дома спускались в низину между холмов, прямо к реке, огибающей город прежде, чем нести свои воды сперва на юг, а затем на запад. Мама рассказывала, что они нашли это место, идя вверх по течению реки от самого океана. Кэти пыталась представить, как это место выглядело для первых поселенцев: просто скопление холмов, поросших лесом. Шестнадцать лет прошло со времени Перехода, и хоть для Кэти это казалось немалым сроком, она прекрасно понимала, что времени прошло совсем мало.

Она обернулась и пошла спиной вперед, чтобы насладиться любимым пейзажем: кроны деревьев, покрывающих склон, за ними яркая голубая лента реки, пересекающая изумрудно-золотые поля. Отсюда Кэти могла разглядеть даже людей: их было около пятидесяти, обрабатывающих широкий прямоугольник высаженных рядами растений на том берегу реки. Они будут работать до самого заката, а если потребуется, то и ночью, при свете фонарей. Еще до рождения Кэти поселенцы пережили несколько тяжелых лет: голодное время, как называла их мама. Так было, пока они не разобрались, как выращивать урожай. Больше четырех сотен людей – почти четверть всего населения – погибли. И теперь фермерство было самым важным занятием в Городе.

В следующем году, когда Кэти будет достаточно взрослой, чтобы выбрать себе профессию, она сможет выбрать и ферму, но вряд ли захочет. Ей совсем не нравился физический труд и необходимость таскать тяжести. Но в сентябре и в октябре все, кроме младенцев и стариков, разбитых артритом, выходили на работу в поля. У них все еще не хватало профессиональных фермеров, а урожай нужно было убрать до наступления холодов. И если кто-нибудь жаловался

– а такие всегда находились – взрослые неизбежно вспоминали голодное время и снова перебирали все эти старые истории: о том, как пришлось убить и съесть всех собак, кроме щенков; как несколько групп сбежали под покровом ночи на поиски пропитания и, наверное, сгинули в снегах; как Уильям Тир отдавал свою долю еды другим до тех пор, пока не исхудал настолько, что подхватил пневмонию и чуть не умер. Теперь у них было много зерна, картофеля, моркови, клубники, капусты и кабачков, а еще здоровое поголовье коров, овец и кур, так что теперь никто не голодал. Но каждую осень Кэти приходилось снова и снова слушать истории о голодном времени, и теперь ее тошнило от одного только слова «урожай».

На одном из прошлогодних собраний Уильям Тир сказал одну вещь, которая никак не выходила у Кэти из головы: придет время, и все эти равнины, насколько хватает глаз, станут засеянными полями. Кэти даже представить не могла эти необъятные пустоши разбитыми на ровные ряды грядок. И очень надеялась, что она не доживет до этого дня. Ей больше нравился нынешний пейзаж.

– Кэти!

Она обернулась и увидела Роу выше по тропинке, где-то в сотне футов от нее. Кэти поспешила ему навстречу, чувствуя, как внутри рождается какое-то предвкушение.

С Роу дорога становилась интереснее; это ему всегда удавалось.

– Откуда ты идешь? – спросила она.

– С южного склона. Искал металл.

Кэти кивнула, сразу же догадавшись, о чем речь. Роу считался одним из лучших работников по металлу в городе. Он учился в слесарной мастерской Дженны Карвер, и ему частенько приносили в починку драгоценности, не говоря уж о таких пустяках, как чайники и ножи. Но починка была для Роу всего лишь работой. Больше всего он любил изготавливать что-нибудь свое: украшения и браслеты, изящные инструменты, кухонные ножи с замысловатыми рукоятками, крошечные фигурки, которые можно было ставить на стол. На последний день рождения Кэти Роу сделал маленькую серебряную фигурку женщины, сидящей под дубом. Одна только резьба на листьях, наверняка, потребовала от него многодневной работы, и теперь эта фигурка была самой большой ценностью из всех принадлежащих Кэти вещей; она стояла на ее ночном столике, рядом со стопкой книжек. Роу был талантливым художником, но металл, который он так любил, в Городе было очень непросто найти. Поэтому Роу часто уходил, иногда даже на несколько дней, и искал его на равнинах и в лесах. Однажды он шел на север целую неделю и набрел на огромный лес, у границ которого обнаружили впечатляющие запасы меди. Роу жаждал вернуться в этот лес и даже просил у Уильяма Тира позволения собрать экспедицию на север. До сих пор Тир ему так и не ответил.

Он прошли мимо кладбища, ровного участка земли размером около акра, прячущегося за соснами. По периметру его окружал деревянный забор – недавнее дополнение. Кто-то пробирался на кладбище, волки или просто еноты; за последние пару недель Мелоди Бэнкс, ответственная за это место, обнаружила несколько разрытых могил, чье содержимое было разбросано по всей территории. Мелоди не смогла сказать, чьи могилы были разрыты, и останки просто перезахоронили. Кэти не особо боялась кладбищ и трупов, но даже ей становилось не по себе при мысли о животных, роющихся в человеческих могилах. И она почувствовала изрядное облегчение, когда на очередном собрании Город проголосовал за возведение там ограды.

– Однажды, – заявил Роу, – когда я стану главным, я вырою и кремирую все останки.

– А с чего ты взял, что станешь главным? – поинтересовалась Кэти. – Может, главной стану я.

– А может, мы оба, – усмехнулся Роу, но Кэти ощутила, что за этой усмешкой прячется что-то более серьезное. Ей вовсе не хотелось встать во главе Города и, как Уильям Тир, ежедневно исполнять тысячу обязанностей. Но Роу имел нешуточные намерения. В свои пятнадцать он уже воспринимал неэффективность Города как личный вызов и был уверен, что спра-

вится с управлением лучше. Ему хотелось ответственности, и Кэти не сомневалась, что он бы с ней справился; Роу был прирожденным дипломатом. Но до сих пор никто из взрослых в Городе, казалось, не замечал в нем этого, и отсутствие признания было болезненно для Роу.

А вот недовольство Кэти имело другие корни. Он любила Город и саму идею о том, что надо заботиться друг о друге, прекрасную в своей простоте. Но в последние годы ей казалось, что их небольшое общество давит на нее своей правильностью, тем, что все исподтишка наблюдают друг за другом. Кэти не нравились многие из соседей; она считала их скучными, или глупыми, или, что хуже всего, лицемерными, изображающими добродушие, потому что так нужно, потому что Тир смотрит на них. Кэти предпочитала открытость, пусть даже в ущерб вежливости. Ей ужасно хотелось, чтобы все было проще, без прикрас.

Все, что было в ней вежливого и терпимого, Кэти приписывала влиянию матери, бывшей одной из ближайших советников Тира и самых убежденных его сторонников. Кэти не знала, кто был ее отцом; маме нравились женщины, а не мужчины, и Кэти была почти уверена, что мама нашла добровольца на роль ее отца и тут же забыла о нем. Ее дочь тоже особо не интересовалась личностью своего отца, но часто гадала, не был ли этот неизвестный человек источником ее недовольства, растущей в ней волны нетерпения, иногда почти захлестывавшего ее.

– Снова что-то прокручиваешь в голове? – спросил Роу, и Кэти хихикнула.

– Не прокручиваю, просто думаю. Это полезно.

Роу пожал плечами. Ее стремление рассмотреть обе стороны любого дела, быть честной даже в собственных мыслях – *прокручивание*, как называл это Роу – он просто не разделял. Что бы Роу ни решил, это было бесспорно правильно, и ему никогда не хотелось копнуть глубже. Иногда такой подход выводил Кэти из себя, но все же в нем что-то было. Роу никогда не стремился оглянуться назад, гадая, не допустил ли ошибку, не был ли нечестен. По ночам его не мучили мысли о каких-нибудь мелких ошибках.

Они свернули на Хай Роуд и прошли мимо библиотеки, из которой библиотекарь мисс Зив выгоняла последних посетителей. Библиотека находилась в огромном двухэтажном здании, единственном таком на весь Город. В отличие от прочих зданий Города, построенных из дуба, оно было кирпичным. Библиотека, полная книг, всегда тихая и сумрачная, была любимым местом Кэти. Роу здесь тоже нравилось, хотя читали они с Кэти разные книги; он уже прочел все из оккультного раздела, но это не мешало ему перечитывать их снова и снова. Существовали строгие правила обращения с книгами, и мисс Зив коршуном кидалась на всякого, кто загибал страницы, или, Боже упаси, снимал с книги пластиковую обложку. Однажды Кэти спросила у библиотекаря, сколько здесь всего книг, и та полушёпотом ответила, что около двадцати тысяч. Она хотела произвести на Кэти впечатление, но ей это не удалось. Та читала по две-три книги в неделю. Если их и правда столько, то на ее жизнь должно хватить, но что, если большинство из них ей не понравится? Что, если те, которые она еще не читала, будут у других читателей? Книг больше не станет, а вот людей – наверняка, да. И похоже, только Кэти понимала, что двадцать тысяч – это просто капля в море.

Наконец, мисс Зив удалось выпроводить последних читателей. Кэти помахала ей, и измотанный библиотекарь махнула ей в ответ, а затем скрылась в библиотеке, захлопнув за собой дверь.

– Роу!

Кэти обернулась и увидела, как, практически скатившись со своего крыльца, к ним спешит Анита Берри. Кэти не особо нравилась Анита, но она все равно улыбнулась той, потому что ее всегда забавлял эффект, оказываемый Роу на девушек. Роу был невероятно хорош собой, это даже Кэти понимала; понимание изредка настигало ее, когда она разглядывала его не через призму дружбы. Природа наградила его лицом ангела: высокие скулы с мягкими впадинами и широкий, по-своему красивый рот. Густые волосы, такие темные, что казались почти черными, небрежно спадали на лоб, почти закрывая черные глаза. Его харизма привлекала целую

группу почитателей, и это были не только подростки. Уже не раз Кэти наблюдала, как с ним флиртуют взрослые женщины, а иногда и взрослые мужчины.

– Привет, Анита, – ответил Роу. – Мы спешим; поговорим в школе.

Когда они двинулись дальше, Кэти едва подавила усмешку, видя убитое выражение лица Аниты. Роу пихнул ее локтем в бок, и она все же не сдержалась и усмехнулась. Роу знал, какое действие он оказывает на женщин, и для него все это было просто игрой. Кэти испытывала своеобразную, ей самой непонятную гордость, получая от него столько внимания. В их с Роу отношениях физическое притяжение отсутствовало полностью, уступая место чему-то более сильному и важному, чем секс: дружба крепкая, верная и нерушимая, совсем не похожая на то, что видела Кэти у девчонок своего возраста, которым, похоже, больше всего нравилось сплетничать и пакостить друг другу исподтишка. Секса у Кэти еще не было – быстрые, неуклюжие обжимания с Брайаном Лордом не в счет – но она понимала, что такую дружбу, как у них с Роу, секс может только разрушить.

Когда они подошли к дому Роу, он замер, с отвращением глядя на входную дверь, в которой стояла его мать. Несмотря на популярность Роу, миссис Финн недолюбливали. Она была из тех дерганных, истеричных дамочек, которые то и дело говорят что-то невпопад. В ее глазах Роу был идеалом, не способным ни на что дурное, но он подобную преданность не ценил; казалось, что он относится к ней с презрительным равнодушием – и это в лучшем случае.

– Не хочешь домой? – поинтересовалась Кэти.

Роу мрачно усмехнулся и понизил голос.

– Знаешь, иногда я просто мечтаю уехать. Построить себе дом в городе... только, наверное, она меня и там будет доставать, торча под дверью день и ночь.

Кэти ничего не сказала на это, но про себя подумала, что он прав. Отец Роу был одним их близких друзей Уильяма Тира, но его не стало почти сразу после Прибытия, и миссис Финн вцепилась в Роу с отчаянием, казавшимся совершенно неприличным. Пример миссис Финн позволял Кэти на многое взглянуть с другой стороны; ее собственная мать не выносила глупости, но она была сильной женщиной со стальным характером, одной из самых уважаемых людей в Городе. Мама не давала Кэти особой свободы, но и не подавляла ее, не унижала перед людьми.

– Можем сбежать, – предложила Кэти. – Выберемся на равнину и разобьем лагерь. Там она нас ни за что не найдет.

– Ах, Рапунцель. – Роу прижал ладонь к ее щеке, и Кэти невольно улыбнулась. Впервые они встретились, когда она рыдала за школой из-за того, что Брайан Лорд дернул ее за волосы, и дернул *сильно*, и ей не хотелось возвращаться с перемены к нему – он сидел прямо за ней и постоянно дергал ее за косу. Миссис Уоррен уже ругала его за это, но без толку: теперь он просто ждал, пока учительница отвернется. От несправедливости и жестокости этой ситуации шестилетняя Кэти и рыдала за школой, раздумывая, что будет лучше отрезать косу под корень и носить короткую прическу, как у тети Мэдди, когда Роу подсел к ней, прислонившись к школьной стене. Сперва Кэти его боялась – ведь он был уже в третьем классе – но он внимательно выслушал все ее жалобы, осмотрел голову, а затем рассказал историю о Рапунцель, чьи длинные волосы однажды помогли ей выбраться из темницы.

«Если бы мы только могли, – мелькнула у нынешней Кэти мысль, словно отражение всего ее недовольства Городом. – Если бы».

– Роу!

Теперь миссис Финн вышла на крыльцо.

Она была худой женщиной, с широко распахнутыми, жалостными глазами и опущенными в вечном неодобрении уголками губ. Кэти, подумывающая о том, чтобы попроситься на обед, внезапно решила пойти домой.

– Роу, входи уже!

– Моя мать нас, может быть, и не найдет. А твоя – найдет.

– Это точно. У моей мамы нюх гончей.

– Роу! – снова позвала его мать. – Где ты был?

Роу выдавил обреченную улыбку и побрел в направлении своего крыльца. Кэти отвернулась и двинулась вверх по улице. Роу жил на верхней части склона, но дом Кэти находился на самой вершине, прямо около дома Уильяма Тира. Да, он был отлично защищен, этот Тир, с ее матерью, живущей по одну сторону от него, и Мэдди Фримен – по другую.

Никто в Городе не рискнул бы связываться ни с одной из них.

– Кэти!

Миссис Гэннет махала ей со своего крыльца. Кэти хотела было пройти мимо – миссис Гэннет была отчаянной сплетницей – но такое всегда доходило до ее матери. Она приостановилась и помахала в ответ.

– Он в твоём доме, – сообщила ей миссис Гэннет.

– Кто?

– Сама знаешь. – Миссис Гэннет понизила голос почти до шепота. – Он. *Тир*.

Кэти с трудом удалось сдержаться и не закатить глаза. Она предполагала, что от нее ждут того же почитания Тира, что демонстрировали прочие, но если ей доводилось слышать, как его имя произносят с благоговением, какая-то часть внутри нее стремилась давать ему обидные прозвища и всячески принижать его заслуги. Но она бы не посмела. Что-то такое было в Тире. Может быть, то, как он смотрел на нее, пронзая взглядом серых глаз. Эти глаза пугали Кэти. Казалось, они могут заглянуть ей прямо в душу, увидеть то, что она прячет ото всех. Она старалась никогда не обращаться к нему напрямую.

Кэти нравилась Лили, жена Тира – *не жена*, мысленно одернула она себя; Уильям Тир и Лили никогда не заключали брак – но, вообще-то, все любили Лили. Она была одной из немногих неподдельно искренних женщин в окружении Кэти, но девочка чувствовала, что эта искренность далась Лили совсем непросто. Была в этой женщине какая-то печаль, меланхолия, отблеск которой иногда удавалось заметить Кэти, когда Лили думала, что на нее не смотрят. Замечал ли это Уильям Тир? Наверняка, потому что он, похоже, замечал вообще все.

Солнце начинало садиться, когда Кэти взобралась на холм, и все фонари горели, мягко подмигивая, когда пламя свечей в них колебал легкий ветерок. Вот чему еще Кэти могла пойти учиться: изготавливать свечи. Ее абсолютно не привлекала работа с ульями Города, но мама сказала, что этим занимаются пасечники, а свечники просто работают с воском. Кэти не понимала, почему сегодня ей так часто приходят в голову мысли об ученичестве; до выбора оставалось еще несколько месяцев. Может быть, потому что это был верный знак ее вступления во взрослую жизнь? Ей так надоело быть подростком.

– Кэти!

Она подняла голову и увидела маму: она стояла на крыльце, уперев руки в бока. Волосы у нее были собраны в растрепанный пучок, а на рубашке виднелись следы того, что, предположительно, входило в состав рагу. Иногда она просто бесила Кэти, но в другие дни, как сегодня, Кэти испытывала внезапный прилив любви к матери, которая могла быть очень упертой в мелочах вроде ношения фартука во время готовки.

– Скорей, оборвышек, – поторопила мать, обнимая и подталкивая ее в дом. – У нас гости.

В доме уже горели все лампы, и Кэти пришлось дать глазам привыкнуть к тусклому освещению в гостиной до того, как она увидела Уильяма Тира и тетю Мэдди, негромко разговаривающих у камина.

– Крошка Кэти, – поприветствовала ее тетя Мэдди, обернувшись. – Как дела?

Кэти с радостью ее обняла; хотя тетя Мэдди не была ее настоящей тетей, но девочка любила ее почти как родную мать.

Тетя Мэдди знала толк в веселье; насколько Кэти помнила, та всегда могла придумать отличную игру или способ скоротать дождливый день дома. А еще она замечательно умела слушать. Именно тетя Мэдди рассказала Кэти про секс, когда той было девять, за два года до того, как миссис Уоррен подняла этот вопрос в школе, и задолго до того, как Кэти решилась поговорить об этом с мамой.

Тетя Мэдди стиснула ее до хруста в костях. С ее силой она могла бы работать и на ферме, и на скотном дворе, но вся ее работа заключалась в том, чтобы помогать Уильяму Тиру советами. Мама, тетя Мэдди, Эван Олкотт... Тир нигде не появлялся без сопровождения хотя бы двух из них, и, несмотря на двойственное отношение к нему самому, Кэти испытывала гордость, видя рядом с ним маму или тетю Мэдди.

– Пойдем-ка прогуляемся со мной на задний двор, Кэти, – позвала тетя Мэдди, и Кэти пошла за ней, гадая, что же она успела натворить. У тети Мэдди не было собственных детей, о которых нужно было бы заботиться, так что с радостью присматривала за Кэти.

Их задний двор отделялся от соседних лишь забором из кольев, который мама поставила, чтобы к ним не лазила собака Кадделлов. Солнце, словно ослепительный оранжевый шар, висело низко над домами, одним краем уже касаясь горизонта. До Кэти все еще доносились крики детей, играющих за несколько домов отсюда, но скоро стихнут и они. В Городе всегда было тихо по ночам.

Тетя Мэдди устроилась на широкой скамье под яблоней и приглашающе похлопала ладошкой рядом с собой.

– Присядь, Кэти.

Кэти села, чувствуя нарастающее беспокойство. Она почти не проказничала, но когда такое случалось, то ловила ее, как правило, именно тетя Мэдди.

– Ты идешь в ученики в следующем году, – начала тетя Мэдди.

А, так разговор будет о ее будущем, а не о прошлом.

Кэти расслабилась и кивнула.

– Ты уже представляешь, чем бы хотела заниматься?

– Я хочу работать в библиотеке, но мама говорит, туда все хотят попасть и за место придется побороться.

– Это так. У мисс Зив больше помощников, чем она может занять. А каков запасной вариант?

– Наверное, что угодно.

– Тебе все равно?

Кэти подняла голову и, к своему облегчению, обнаружила, что сейчас с ней беседует не тетя Мэдди-педант. У тети Мэдди было две стороны, и нынешняя была понимающей, той, которая помогала Кэти прятать испорченное во время драки платье в семь лет.

– Мне просто не интересно, – признала Кэти. – Я знаю, что есть профессии, которые я наверняка возненавижу, вроде пчеловодства. Но и до тех, которые не кажутся отвратительными, мне нет дела.

Неожиданно тетя Мэдди улыбнулась.

– У меня есть занятие для тебя, крошка Кэти, и думаю, оно придется тебе по душе. Твоя мать одобрила его, но нужно будет хранить все в тайне.

– Что за занятие?

– Ты не сможешь никому рассказать.

– Даже Роу?

– Особенно Роу, – отрезала тетя Мэдди. Ее лицо было настолько серьезным, что невысказанные слова протеста замерли у Кэти на губах.

– Я могу хранить секреты, – сказала она.

– Хорошо. – Тетя Мэдди на секунду замолкла, очевидно, подбирая слова. – Когда мы пересекали океан, оружие мы оставили на том берегу, а без него мы не сможем себя защитить. Мы и подумать не могли, что здесь оно может понадобиться. Ты же читала об оружии, правда?

Кэти медленно кивнула, вспоминая о книге, лежащей у ее кровати, в которой люди убивали друг друга из ружей. В Городе ружей не было, только ножи и стрелы, а их использовали лишь для охоты и работы. Никому не позволялось даже появиться с ножом на улице.

– До Перехода твоя мать и я тренировались, чтобы самим стать оружием, – прошептала тетя Мэдди, уставившись застывшим взглядом куда-то далеко. – У нас были пистолеты, но мы в них не нуждались. Мы умели убивать голыми руками.

– Убивать *людей*? – Кэти моргнула, пытаясь уложить в голове эту идею. Такое постоянно случалось в книгах, но это же были просто выдумки. Она попыталась представить, как мама или тетя Мэдди убивают кого-то, но поняла, что представления не имеет, как это должно выглядеть. На ее памяти лишь один человек в городе умер насильственной смертью, его загрыз волк в полях, много лет назад. Тогда вокруг этого случая было много споров на одном из собраний, но Кэти была слишком мала, чтобы что-нибудь понять. Некоторые требовали, чтобы границы Города охранялись стражей с луками. Такие решения обычно принимались всеобщим голосованием, но Уильям Тир выступил против этой инициативы, а если Уильям Тир говорит «нет», у голосования может быть лишь один итог. Кэти посмотрела на ладони тети Мэдди, затем на ее мускулистые, испещренные шрамами руки.

– Так вы поэтому всегда и всюду сопровождаете Уильяма Тира? – предположила она. – На случай, если придется кого-то убить?

На этот раз пришла очередь тети Мэдди недоуменно моргнуть.

– Конечно, нет. Мы просто пытаемся быть неподалеку на случай, если ему что-нибудь понадобится.

Кэти показалось, что тетя Мэдди ей только что солгала. Она не обиделась; взрослые лгали все время, очень часто по таким же глупым причинам, что и дети. Странно было то, что именно в этой части беседы, такой неожиданно правдивой, тетя Мэдди почувствовала необходимость солгать.

– Мы хотим, чтобы ты приступила к обучению пораньше, Кэти. Уже в следующем месяце. Мы хотим научить тебя тому же, чему когда-то учили твою мать и меня – остановить насилие, когда оно проявит себя.

– Но почему? Какое насилие?

Тетя Мэдди внезапно замкнулась. Даже глаза стали пустыми, скрыв эмоции и мысли.

– Может и никакого, Кэти. Это просто предосторожность.

Еще одна ложь, и Кэти почувствовала, как внутри нее, словно хищный зверь, поднимается гнев.

– Это как-то связано с кладбищем, – спросила она, имея в виду разрытые могилы и останки, безжалостно разбросанные по земле. Утверждали, что это всё животные, но Кэти не могла в это поверить. Разве животные не перерыли бы все кладбище? Что бы ни взялось за раскопки, оно явно нацелилось на три или четыре конкретных могилы.

– Нет, – ответила тетя Мэдди. – Но могут быть и другие опасности. Считай, что ты – одна из мер предосторожности.

– Только я? – уточнила Кэти, думая о своем теле. Она не была низкорослой, но и высокой ее нельзя было назвать. К тому же, у нее было довольно хрупкое телосложение. Если ей придется сражаться с мужчиной без всякого оружия, то она, скорее всего, проиграет, как бы ее не тренировали.

– Нет. Мы отобрали нескольких молодых людей. Твою подругу Вирджинию. Гэвина Мерфи. Джонатана Тира. Лира Уильямса. Джесс Олкотт. И еще кое-кого.

– Но не Роу?

– Нет. Роулэнд Финн не может иметь к этому отношения и не должен ничего об этом знать.

На секунду Кэти ощутила очередную вспышку гнева. У Роу было столько талантов; почему взрослые не могли признать этого, хотя бы раз? Недостаток признания ранил его чувства, хотя он и старался скрыть это всеми возможными способами. Однако, Кэти чувствовала его боль как свою собственную.

– Ты хочешь вступить в команду? – спросила тетя Мэдди.

Кэти судорожно сглотнула, пытаясь усмирить зверя внутри. Она *правда* хотела, но ведь это означало, что у нее появятся секреты от Роу. Сможет ли она вообще это сделать? У них никогда не было секретов друг от друга. Роу знал о ней все.

– Могу я подумать?

– Нет, – произнесла тетя Мэдди мягко, но непреклонно. – Нужно решать сейчас.

Кэти уставилась в землю, чувствуя, как разбегаются мысли в голове. Она правда хотела участвовать в этом. И пусть ей еще ни разу не приходилось что-то скрывать от Роу, наверное, в этом случае можно было попробовать. Она хотела стать частью большой тайны.

– Я согласна.

Тетя Мэдди улыбнулась и поманила кого-то пальцем. Кэти обернулась и увидела Уильяма Тира, идущего прямо к ним. Рефлекторно она вскочила со скамьи и вытянулась в струнку. Тетя Мэдди ушла, напоследок еще раз крепко сжав плечо Кэти, но та едва заметила ее уход. Насколько она помнила, до сих пор они с Уильямом Тиром оставались наедине один раз: во время обеда в прошлом году, когда они одновременно отправились на кухню за добавкой. Тогда Кэти ждала, замерев, не зная, что сказать. И она почувствовала небывалое облегчение, когда он вернулся к столу. Сейчас все было не лучше.

– Не нужно бояться, Кэти. – Тир уселся на скамью, прямо на место тети Мэдди. – Тебя не ждут никакие неприятности. Я просто хочу поговорить.

Кэти кивнула и села на свое место, хотя какая-то мышца в ноге так тряслась, что девочке стоило огромного труда усидеть спокойно.

– Ты хочешь тренироваться?

– Да. – Кэти почувствовала странное желание продолжить, завалить его обещаниями того, что она будет хранить секрет, станет хорошим бойцом, никогда не сделает ничего во вред Городу.

– Я знаю, – сказал Тир, заставив Кэти подпрыгнуть. – Именно поэтому-то тебя и выбрали. Вся суть тут не в боевых приемах и ножах, Кэти. Все тренировки в мире не стоят ничего без доверия. Я наблюдал за тобой годами. У тебя есть дар, и это заметно всем. Ты можешь отличать поддельное от настоящего. Городу нужен такой человек, ведь я не всегда буду здесь.

Кэти уставилась на него с изумлением. Она никогда особо не задумывалась о возрасте Тира, хотя иногда она лениво гадала о других взрослых в Городе. Тиру должно быть не меньше пятидесяти, но это была просто цифра; возраста у него не было, казалось, он был вечен. Но трудно было не понять этот тон.

– Вы больны, сэр.

– Нет. – Тир улыбнулся. – Меня хватит еще на долгие годы, Кэти. Просто я хочу подстраховаться. И поэтому вот.

Сунув руку под шерстяной свитер, Тир вытащил крошечный мешочек, завязанный у горловины полоской оленьей кожи. Кэти никогда раньше не замечала этого мешочка, и теперь с интересом смотрела, как Тир развязывает его и вытряхивает содержимое на ладонь: сверкающий, ярко-синий драгоценный камень – сапфир, подумала Кэти – в чьих гранях плескалось заходящее солнце. У многих людей в городе были драгоценности, которые они захватили с собой при Переходе, но Кэти никогда не видела камней такого размера. Тир протянул ей камень, однако долгое мгновение она могла лишь глазеть на него.

– Давай, возьми его.

Она взяла камень и почувствовала, что он теплый. Может, дело было в том, что Тир носил его у груди, но Кэти не могла избавиться от странной идеи, что этот камень по-своему живой, и даже почти дышит.

– Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещала, Кэти. И будь осторожна, это важное обещание, не из тех, которые можно раздавать направо и налево. Камень, что ты держишь в руках, может заставить пожалеть о произнесенной при нем лжи.

Кэти стиснула камень в кулаке, и почувствовала, как тот нагревает ее ладонь, заставляя кровь быстрее бежать по жилам. Она подняла глаза и увидела ужасную картину: слеза, сбегаящая по щеке Тира, не могла появиться в том мире, который был ей хорошо знаком.

– Обещай мне, Кэти. Обещай всегда делать то, что лучше для этого Города.

Кэти облегченно расслабила плечи, потому что это пообещать было совсем не трудно. Но на лице Тира читалось такое горе, что она заставила себя говорить медленно и торжественно, будто бы взвешивая каждое слово.

– Я клянусь делать то, что лучше для Города. – Она замолкла, но, поскольку этих слов ей показалось недостаточно, тут же продолжила: – Если кто-нибудь когда-нибудь попытается навредить Городу, я остановлю их. Я просто... Я убью их.

Тир удивленно поднял брови.

– Свирепый зверь. Так сказала твоя мать. Но давай больше не будем об убийствах, хорошо? – Он протянул руку, и Кэти опустила сапфир в его ладонь. – Я надеюсь, до насилия не дойдет. Предполагалось, что на этой земле не будет убийств.

– Сэр, могу я задать вопрос?

– Конечно.

Кэти собрала всю свою храбрость.

– У вас иногда бывают видения. Все так говорят.

– Да.

– Если Городу грозит опасность, то от кого? Разве вы не знаете?

Тир покачал головой.

– Мои видения часто похожи на тени событий, Кэти. Может, никакой опасности и нет.

– Но вы в это не верите.

– Нет. Даже если я вижу всего лишь тени событий, то эти видения обычно правдивы. – Он поднял сапфир, позволяя ему отразить последние лучи заходящего солнца. – Этот камень – могущественная вещь, но и у него есть предел возможностей. Он не работает по приказу. Я могу его использовать, но не могу контролировать.

– Откуда он у вас? Из старого мира?

– И да, и нет.

Кэти в недоумении уставилась на него.

– Когда-нибудь, возможно, я расскажу тебе эту историю, Кэти. Ну а пока просто помни, что ты дала мне обещание. Важное обещание. Тренировки начнутся на следующей неделе, но до тех пор я попрошу тебя не обсуждать это ни с кем, даже с твоими товарищами. Мы сами еще не со всеми договорились.

– Я могу говорить об этом с мамой?

– Конечно. Но больше ни с кем.

Она замялась, желая спросить о Роу и о том, почему не взяли его. Роу, определенно, был самым умным подростком в городе, за исключением, возможно Джонатана Тира... но тетя Мэдди упоминала Джонатана, припомнила Кэти. Он был всего на год старше Кэти, но на три класса обогнал ее в школе, и вообще, держался слишком отстраненно для сверстника. Джонатан ни разу не присоединился к родителям, когда те приходили к ним на обед, и, хотя они были близкими соседями, Кэти встречала его крайне редко. Он был пугающе умен; поговаривали,

что даже несмотря на то, что он перескочил несколько классов, по математике для него пришлось разрабатывать специальную программу, какие-то расчеты, которые никто, кроме него, не смог бы понять. Но друзей у него не было, и в школе он считался кем-то вроде изгоя. Никто не дразнил его, потому что он был сыном Уильяма Тира, но он держался особняком, выбиваясь из среды сверстников. Определенно, Роу был бы менее странным выбором.

– Кэти?

Она обернулась и увидела, что Тир смотрит на нее с сочувственной улыбкой, словно он разглядел ее замешательство. Камень в футляре уже скрылся под его свитером, но Кэти едва обратила на это внимание. Намного больше ее заинтересовали глаза Тира, которые оказались вовсе не серыми, и даже не светло-серыми, а яркими, словно бы сияющими своим собственным светом, почти серебряными в лучах уходящего солнца.

– Не нужно меня больше бояться, – попросил ее Тир. – Хорошо?

Кэти кивнула и не смогла удержаться от ответной улыбки. Она вспомнила обо всех своих язвительных мыслях о Тире и его почитателях, и внезапно почувствовала стыд. Он был хорошим человеком, изначально хорошим; на мгновение Кэти ощутила это так сильно, словно их внезапно связала одна нить, и она наконец-то поняла, почему мама последовала за ним через океан.

«Он лишь хочет лучшего для всех, – подумала она. – За всеми шепотками и идолопоклонничеством как-то потерялась эта простая истина. Жаль, что я не могу сказать Роу».

– Спасибо тебе, – сказал Тир, и до конца жизни Кэти не могла забыть этот момент: высокий мужчина, улыбающийся ей, склон холма и река, бегущая вниз, и кроваво-серебристый диск солнца, повисший над ними. Тогда она не улыбнулась в ответ, каким-то седьмым чувством ощутив, что это нарушит торжественность момента, пусть только в ее воспоминаниях, а не на самом деле.

– Пожалуй, нам пора в дом.

Она шла рядом с ним, слушая, как шелестит под их ногами тонкая, колючая трава, но мысли ее были далеко. Тир был прав; такое необходимо держать в тайне. Боевые приемы и оружие... это все настолько выбивалось из общих правил Города, что Кэти даже представить себе не могла, что случится, узнай кто-нибудь об этом. Вирджиния, Уоррен, Лир Уильямс, Гэвин Мерфи, Джесс Олкотт, Джонатан Тир, она сама и еще несколько. Но не Роу.

«Почему нет? – гадала она, искоса поглядывая на длинные ноги Тира, и его ботинки из плотной шерсти. – Что он знает такого, чего не знаю я?»

Мама ждала их, прислонившись к стене рядом с кухонной дверью и спрятав руки за спину.

– Готово, – обратился Тир к маме, положив ей руку на плечо. – Определенно, свирепый зверь, Дори. Вся в мать.

Он вошел в дом, и Кэти посмотрела на мать, не зная, что за этим последует. Мама была женщиной непредсказуемой; она могла на удивление разумно относиться к ошибкам Кэти, и в то же время какая-нибудь ерунда могла вывести ее из себя. Мама улыбалась, но взгляд ее был настороженным.

– Ты никогда в жизни не хранила секретов, Кейтлин Райс, особенно таких важных, как этот.

– Я знаю. – Секунду Кэти боролась с собой, но в итоге все-таки выпалила: – Мам, Роу такой умный! Почему его тоже не взяли?

– Ааа, – Мама прислонилась к стене, и Кэти заметила, что она пытается подобрать слова. – Роу... непредсказуемый мальчик.

– Что это значит?

– Ничего. Идем в дом, пора накрывать на стол.

Кэти молча пошла за матерью, все еще размышляя над ее словами. У Роу были неприятные стороны, и она об этом знала; ему нравилось запутывать людей. Но ничего злонамеренного в этом не было, ничего, над чем бы они не могли посмеяться позже. Она хотела бы разозлиться из-за Роу, но, почему-то, ощущала лишь грусть. Только ей удалось разглядеть истинную ценность Роу, и отчасти ей это нравилось; словно они хранили этот секрет вдвоем. Но в данный момент она пожертвовала бы этим тщательно оберегаемым чувством обособленности, чтобы заставить остальной Город узнать Роу, разглядеть его таланты. И кстати, как она собирается скрывать от него все это? Тренировки будут занимать много времени. Как же она сможет помешать Роу все выяснить?

«Тир позаботится об этом».

Эта мысль возникла где-то глубоко внутри, в ее тревожно-взрослой части, и Кэти ясно понимала, что она правильная. Тир *наверняка* позаботится об этом. Здесь хранилась уже не одна тайна; Кэти чувствовала, как волны секретов расходятся от нее кругами, ширясь и колебля обманчиво-спокойную поверхность этого озера под названием Город. Она вспомнила об огромном сапфире, и содрогнулась. Она пообещала защищать Город, и верила в это обещание, но другая ее сторона, та, что устала заботиться о других, та, что хотела думать лишь о себе, протестовала.

«Я справлюсь и с тем, и с другим», – решительно подумала она, но это была отчаянная решимость, словно глубоко внутри она уже знала, что такая двойственность была неправильной, и что однажды ей все равно придется сделать выбор.

* * *

Келси пришла в сознание и поняла, что находится в кромешной тьме.

Тень ее тюремщика замаячила неподалеку, заставив ее напрячься, но секунду спустя она заметила, что его голова склонилась на грудь и покачивается в такт движениям повозки. Он спал. Небо над ними было глубокого фиолетового цвета; Келси поняла, что сейчас раннее утро, но следов рассвета еще не было заметно.

«Я видела».

Над повозкой разлился свет. Келси подняла голову и увидела фонарь, проплывающий прямо над ней. В тот же момент она осознала, что дерганная езда по ухабам и камням, к которой она успела привыкнуть, сменилась легким скольжением. Они снова ехали по ровной дороге. Ночной воздух был свеж, и Келси накинула полы своего плаща на плечи. Вот проплыл над головой очередной фонарь, свет которого породил мириады теней, разукрасивших дно повозки. Ей нужно было подняться, сесть и попытаться определить, где она находится, но вместо этого она, словно заledenев, лежала на дне повозки.

– Я видела, – выдохнула она, словно слова делали увиденное реальностью. – Я видела.

Под влиянием порыва она положила руку на грудь, но сапфиров там, естественно, не оказалось. Их не было уже давно, но все же стоило Келси закрыть глаза, все эти картины всплывали перед ее мысленным взором: Город, лес, Кадделл и где-то вдалеке Алмонт. Как это было возможно? Даже мир Лили никогда не был столь чист.

«Она не Лили».

Нет. Это была другая девочка, ребенок, росший в Тирлинге, задолго до того, как королевство получило это имя. Ее матерью была Дориан Райс, которая однажды свалилась на задний двор к Лили Мэйхью с пулей в животе. Этой девочкой была Кэти Райс. Годы после Перехода, этот пейзаж, четырнадцатилетний Джонатан Тир. Мысли об этом заставляла сердце Келси болеть, ведь она знала, что через пять или шесть лет Джонатана Тира убьют, а утопия Уильяма Тира погрязнет в хаосе.

«Так мало времени. Как же все могло так быстро развалиться?»

У этой загадки не было ответа, если только Келси не вернется в прошлое и не найдет его сама. Но она на собственном горьком опыте убедилась, что эти маленькие прогулки в прошлое могут ужасно дорого ей обойтись.

«Непохоже, чтобы у тебя прямо сейчас были другие занятия».

Келси устало улыбнулась этой мысли, своим прагматизмом напомнившей ей о Булаве. Она практически ничего не могла, находясь в этой повозке. Кавалерия еще вчера пересекла границу и спустилась с Аргосского перевала, оставив основную часть мортийской армии далеко позади. Келси не знала, осталась ли Красная Королева со своей армией или двинулась вперед под покровом ночи. Она уставилась в небо, только начинающее менять цвет с темно-фиолетового на синий, и на секунду на нее нахлынула такая тоска по своей земле, что, казалось, слезы вот-вот хлынут ручьем. Она оставила Тирлинг в руках Булавы, и это ее утешало. Но она не могла избавиться от мысли, что ее королевство оказалось в ужасной опасности.

Над ее головой проплыл очередной фонарь, покачивающийся на утреннем ветерке. Даже эта мелочь, многое говорившая о порядках мортийцев, уязвляла Келси. Фонари зажигают ночью и гасят по утрам, а иначе это просто перевод масла. Кто приходит сюда, на пустую дорогу, чтобы следить за всеми этими фонарями? Келси снова с тоской вспомнила о своих потерянных сапфирах, ведь в этих фонарях заключался очередной ценный урок: страх подстегивает исполнительность.

«Не потеряны».

Эти слова заставили Келси вздрогнуть от удивления, ведь голос, произнесший их в ее голове, безусловно принадлежал Лили. Правда, сапфиры не были безвозвратно утеряны, но они хранились у Красной Королевы; с таким же успехом они могли бы быть и на луне. Они не подчинялись Красной Королеве, но Келси они не подчинились тоже.

«Почему она не может их использовать? – Голос Лили раздавался словно издали, похороненный в ее воспоминаниях, и все же Келси различила в нем нетерпение. – Думай, Келси. Почему она не может их использовать?»

Келси думала, но ответ не приходил. Роу Финн упоминал что-то о крови Тиров; она так старалась вспомнить, что именно, что у нее разболелась голова. В Красной Королеве тоже текла кровь Тиров, говорил Финн, но у Келси она была сильнее. Она отдала сапфиры, так почему она по-прежнему может видеть прошлое? Она внезапно вспомнила сон, увиденный неделю назад: Переход, корабли и темное небо с ярким провалом на горизонте. Уильям Тир открыл дверь сквозь время, и Келси, проделывая то же самое, проколупав щель и заглядывая в прошлое. Может ли быть, что щель осталась открытой, даже после того, как сапфиры были потеряны? Если тот Переход, что ей приснился, был настоящим, это идеально совпадает с ее последним видением: Мэдди Фримен, сестра Лили, повзрослевшая, но живая и здравствующая.

Чем скорее Келси выберется из повозки, тем лучше. Во время фуг она себя не контролировала; об этом говорили и Булава, и Пен. Она перевернулась на спину, чувствуя, как щепки впираются в ее плащ. Если бы только она могла дотянуться до них, до Уильяма и Джонатана Тиров, предупредить их о том, какие бури ждут их в будущем, изменить историю вместо того, чтобы наблюдать за ее развитием... Над ее головой промелькнул череп.

Келси вскочила, прижав ладонь ко рту, чтобы подавить вскрик, и увидела, что на самом деле череп был насажен на пику, торчащую между двух фонарей. На челюсти все еще виднелись ошметки плоти. Глазницы были покрыты коркой крови, давно уже засохшей и почерневшей. Она потеряла череп из виду, когда свет фонаря растаял позади них, но затем появился следующий фонарь, а вскоре и следующий череп. Этот был очень стар; ветер и время сгладили челюстные и носовые кости.

Ну, по крайней мере, теперь на один неотвеченный вопрос стало меньше. Она была на Пиковом холме.

Келси, как могла тихо встала в повозке, придерживая цепи, чтобы их звон не разбудил ее тюремщика. Теперь рассвет становился все заметнее, горизонт на востоке окрасился розовым, но землю повсюду укрывала тьма. Всюду, кроме их дороги, огражденной фонарями и пиками. Они взбирались на покатый склон, но вдалеке Келси могла видеть, как дорога резко сворачивает к гигантскому ограждению: стене, высокой и хорошо укрепленной, словно чудовищных размеров вал чернеющей на фоне предрассветного неба. Над стеной виднелись силуэты различных зданий, а над ними возвышалось впечатляющее сооружение, усеянное шипами и проемами, в которых Келси узнала бойницы.

«Демин», – поняла она, чувствуя, как страх узлом скручивает внутренности. Когда-то он звался Эванстоуном и был столицей Новой Европы, городом на плато, который переселенцы возвели кирпичик за кирпичиком. Теперь же он стал местом из самых жутких кошмаров.

Келси села на пол повозки, не сводя глаз с зашевелившегося неподалеку тюремщика, и завернулась в плащ. Она пыталась призвать свое мужество, но, похоже, этот колодец иссяк. Сейчас она совершала свой собственный Переход, но он ничуть не походил на путешествие Уильяма Тира. Ей предстояло путешествие в царство тьмы.

* * *

Королева поняла, что все плохо, едва Дукарте вошел в двери. Она уже несколько дней ждала этого доклада, пытаясь проявлять терпение – хоть это и шло в разрез с ее натурой – и понимая, что Дукарте потребуется время, чтобы оценить ситуацию. Ведь она позволила ему отступить от границы только две недели назад. После столкновения с девчонкой, от Дукарте как от главнокомандующего не было никакой пользы – похоже, он едва держал себя в руках. Его пугали громкие звуки, и порой Королеве приходилось звать его дважды, а то и трижды, прежде чем он обращал внимание. Она надеялась, что возвращение к своим прежним обязанностям, к той должности, которую он сам для себя создал, поможет ему собраться. Но как только Дукарте вошел в тронный зал, она увидела, что ничего не изменилось. Более того, казалось, ему становится только хуже. Что бы не сотворила с ним девчонка, это было проделано мастерски... и, скорее всего, навсегда. А без Дукарте позиция Королевы была еще более шаткой, чем прежде.

Она столкнулась с восстанием. Несмотря на все предосторожности, информация о том, что она уехала из страны, дошла до мятежников, и их лидер Левье взял Ситэ Марше в осаду. Никто из идиотов-переростков, которым она доверила командование, не приложил ни малейшего усилия, чтобы остановить Левье или хотя бы раскрыть его личность. Ее армия наконец-то вернулась из Тирлинга, но все происходило слишком медленно, медленнее даже, чем двигалось наступление, и в этом Королева чужла дух предательства. Прежде чем покинуть ставку армии, она дала заместителю Дукарте, генералу Вайну, четкий приказ вешать на ближайшем суку любого, кого поймают на грабеже в Тирлинге. Но генерал Вайн не был способен как следует устроить армию. Только страх перед самой Королевой держал ее солдат в узде, но она чувствовала, что и он слабеет. Ее полковники и генералы были ей верны, ведь они знали, что им возместят упущенную добычу сразу по возвращении. Но вот остальная армия... проклятье, сейчас Дукарте ей был просто необходим! Как он мог позволить себе расклеиться, когда она нуждалась в нем сильнее всего?

Но Королева не позволила ни тени этой злобы отразиться на лице. Даже Дукарте, работающий в полсилы, напредила она себе, был многим лучше, чем большинство ее приближенных. За ним шли два лейтенанта, которые знали достаточно для того, чтобы занимать место за его спиной и сохранять спокойствие, опустив глаза в пол.

– Какие новости, Бенин?

Дукарте отшвырнул свой плащ и рухнул в ближайшее кресло. Еще один тревожный знак. Прежде Дукарте не любил сидеть; теперь же, казалось, он постоянно ищет, на что бы опереться.

– Сите Марше в огне, Ваше Величество. На прошлой неделе толпа ворвалась на склады Короны и разграбила их подчистую: провиант, стекло, сталь и оружие. Солдаты, которые должны были охранять склады, исчезли. Майор Живен тоже исчез, а кроме него ни у кого нет полномочий, чтобы мобилизовать городскую стражу.

– У меня есть.

– Конечно, Ваше Величество. Я не имел в виду...

– Отправьте туда стражу и верните мою собственность.

– Это может оказаться не так-то просто, Ваше Величество. Мы поймали несколько человек с кусками стекла и стали, но не больше одного или двух на человека. Этот ублюдочный мятежник, Левье, уже раздал все товары по всему городу. Провиант, наверняка, уже съеден, а чтобы вернуть остальное, нам придется арестовать половину населения.

– Он украл это все, чтобы просто раздать?

– Видимо так, Ваше Величество.

Внешне Королева осталась спокойна, но внутри ее просто трясло от ярости. Будто недостаточно того, что она потратила целое состояние на вторжение, не принесшее ей ровным счетом ничего. Теперь еще и дома ее ждет все это!

– Когда вы найдете Живена, я хочу, чтобы его повесили на стенах Ситэ-Марше.

– Да, Ваше Величество. – Дукарте на секунду замялся, но все же спросил: – Его голову?

– Целиком! – рявкнула Королева. – Всего целиком, Бенин! Живьем! Когда до него доберутся вороны, мы посмотрим, какой из него мятежник!

– Да, Ваше Величество, – тупо ответил Дукарте, и Королева едва подавила острое желание вскочить с трона и отвесить ему оплеуху. Однажды, около двадцати лет назад, Дукарте привез из Калле предателя и снял с него кожу живьем, медленно и методично, не отвлекаясь на вопли жертвы, кромсая ножом плоть, как скульптор кромсает глину. Старому Дукарте не потребовались бы никакие объяснения. Старый Дукарте понял бы все сам. Королева сделала глубокий вдох, чувствуя, как все внутри переворачивается.

– А что в Демине?

– В данный момент в Демине, похоже, довольно спокойно, Ваше Величество. Но, могу поспорить, это ненадолго.

– Почему?

– Я отправил несколько своих людей в деревни, Ваше Величество, чтобы оценить вероятность восстания рабов. Они не нашли причин для беспокойства с этой стороны.

Королева кивнула. Наказания для беглых рабов были достаточно жестокими, чтобы отбить охоту предпринимать подобные попытки.

– Но?

– Наблюдается странное переселение, Ваше Величество. Деревни Гляс-Вер заброшены. Люди хватают свои пожитки и те ценности, что могут унести, и уходят на юг. Многие из них уже добрались до Ситэ-Марше.

– Почему?

– У меня там слишком мало людей для проведения полноценного расследования, Ваше Величество. Все, что им удалось узнать, это сплетни, что ходят среди беженцев. В Фэрвитче есть старинное предание... – Дукарте прервался и кашлянул. – О существе, которое, по слухам, охотится в горах и предгорьях в поисках юных жертв...

– Сирота, – прошептала Королева.

– Ваше Величество?

– Ничего. Я знаю это предание, Бенин; оно даже старше меня. Что изменилось?

– Есть сообщения, Ваше Величество, о деревнях, опустошенных не одним, а целой армией таких тварей. Мой человек в Девин Копс нашел лишь кровь и кости в опустевших

домах. Подобное наблюдалось еще в восьми деревнях. Двое из моих людей пропали, не появляясь на месте сбора вот уже более недели.

– Этому есть какое-нибудь другое объяснение? – спросила Королева. Но голос ее был глух, потому что она знала ответ на этот вопрос. Темное существо вышло на охоту. Она могла бы так и сказать Дукарте, но тогда он бы попросил все объяснить, а она не знала, как.

Однажды, давным-давно маленькая напуганная девочка сбегала из деревни в Гляс-Вер. И ей пришлось искать убежища на севере. Но в деревнях Гляс-Вер помощи она не нашла, лишь брань и побои, которых было так много, что она предпочла им голодную смерть в горах. Она уже готова была умереть, но как-то ночью увидела отблеск пламени...

– Повторюсь, у меня не хватает людей, чтобы допросить всех, кто упоминал о существе, но готов поклясться вам, Ваше Величество, они верят в то, что говорят. Нечто собирает кровавую жатву на севере, и, если оно продолжит двигаться на юг, скоро вся страна соберется у нашего порога в поисках убежища.

Королева откинулась на троне, чувствуя, как виски разрывает болезненная пульсация. Две недели тому назад она проснулась от кошмара, самого ужасного за всю ее жизнь, в котором темное существо, не призрак, а реальное и больше не привязанное к огню, гонялось за ней по коридорам ее замка, ставшим огромным, будто новый мир...

«Свободен», – поняла она. Назови его хоть темным существом, хоть Сиротой – а эти несчастные загнанные крестьяне из Фэрвитча определенно должны были дать ему имя, назвать причину, по которой их дети исчезали без следа – все равно он был теперь на свободе... и, может быть, уже направлялся сюда. Впрочем, могут ли тут быть сомнения?

Эви!

Голос звенел в ее голове, но Королева проигнорировала его, с печалью разглядывая своего самого давнего и верного последователя. Дукарте сидел сгорбившись, упершись скрещенными руками в колени и уставившись в землю. Ему еще не было и шестидесяти, но он казался стариком, измученным и разбитым. Прежний генерал Дукарте, глава Службы Внутренней Безопасности, чье имя приводило в трепет всех жителей ее королевства, погиб, и Королева скорбела о нем. Тот Дукарте подавил мятеж в Калле, помог Королеве взять Мортмин в ежовые рукавицы. Но теперь он был сломлен, и Королева только сейчас со всей ясностью поняла, что отправлять Дукарте в Тирлинг было самой ужасной ошибкой из всех, что она когда-либо допускала. Без него ее совсем некому было прикрыть, в том числе и от ее собственной армии.

«А были ли другие? – задумалась она, и эта мысль заматалась в ее голове, словно испуганнаямышь. – Другие ошибки? И сколько всего ошибок я допустила?»

– Что вы планируете предпринять, Ваше Величество?

Королева побарабанила пальцами по подлокотнику трона, а затем спросила как можно небрежнее: – Где девчонка?

Выражение лица Дукарте не изменилось, но он заметно побледнел и словно еще больше постарел. Королеву тоже не радовали мысли о девчонке; воспоминания о той сцене в палатке были ужасны, настолько ужасны, что она постаралась спрятать их как можно глубже. Девчонка теперь знала так много – *Эви!* – так много из того, что Королева надеялась унести с собой в могилу.

– Ее привезли вчера, Ваше Величество. Она в подземелье, под надежной охраной.

Но говоря это, Дукарте не смог сдержать гримасы.

– Я хочу, чтобы ее очень хорошо охраняли.

– Вы опасаетесь побега, Ваше Величество?

– Конечно, нет. Скорее, что она умрет в плену. У твоих людей не самая лучшая репутация, Бенин. Эта девчонка нужна мне живой.

– Ее имя – клич, объединяющий мятежников. Не лучше ли просто ее казнить?

Королева впечатала кулак в подлокотник трона и с удовольствием отметила, что генерал содрогнулся.

– Ты меня слышал, Бенин?

– Да, Ваше Величество. Живой, я понял.

Но Королева ему больше не доверяла. Может ли Дукарте пойти против нее? Ничья верность больше не казалась ей бесспорной. Она с грустью вспомнила о Берилле, своем старом камергере, который пошел бы ради нее даже в огонь. Но Берилл был мертв, а вместо него у Королевы теперь была Джульетта, которая все время с кем-то шепталась. Даже сейчас Жули облокотилась на стенку и самозабвенно строила глазки одному из дворцовых охранников. Другие фрейлины Королевы разбрелись по залу, едва ли помня о своих обязанностях.

– Что еще?

– Армия, Ваше Величество, – решился Дукарте, кинув тяжелый взгляд на двух мужчин за своей спиной. – Есть проблема. Многие солдаты отказались расходиться по домам после роспуска войск. Огромные группы солдат проводят собрания, которые считают тайными. Докладывают о распространении пьянства и драк по всему Демину, а за их последствия, вроде сломанной мебели и изнасилованных женщин, люди винят вас.

Королева улыбнулась, и спросила с каплей яда в голосе:

– Ну, и почему ты ничего не предпринимаешь по этому поводу, Бенин?

– У меня больше нет влияния на моих людей, – с трудом признал Дукарте. – Они не хотят больше слушать банальности о чести и патриотизме. Им нужна их доля добычи, всем, от генералов до пехоты. Или денежная компенсация.

Королева кивнула, понимая, однако, что Дукарте просит невозможного. Она всегда сама следила за своей казной и знала сколько в ней денег, вплоть до монеты. Конечно, были и запасы, но поступления денег значительно сократились после прекращения поставок из Тирлинга. В казне определенно не хватило бы средств, чтобы выплатить всем недовольным вознаграждение, хотя бы отдаленно соответствующее тому, что они надеялись захватить в Тирлинге. В общем, Королева решила выплатить всем понемногу в любом случае; такой жест опустошит казну, но иногда жесты имеют очень большое значение. Королева уже несколько раз шла на подобный риск, и он всегда окупался.

Но одна мысль никак не давала ей покоя. В конце концов, она ведь тоже ничего не получила. Оба сапфира Тира, что прятались у нее под платьем, были обычными безделушками. Вся мощь, вся непобедимость, которую она надеялась получить, вторгнувшись в Тирлинг, в результате обернулась пустышкой, теперь болтавшейся у нее на груди. Вернувшись во Дворец, она перепробовала все, все известные ей заклинания, но камни не отзывались. Это сводило ее с ума. В ней текла кровь Тира – по крайней мере, так сказала темное существо – а значит, они должны подчиняться ее воле. Куда исчезла вся их сила?

Дукарте все еще ждал ее решения, но у Королевы его не было. Ее солдаты вели себя как дети. Она вознаградила высшее командование, и довольно щедро. Как они решили распорядиться этими деньгами, не ее дело.

– Это моя армия, – наконец произнесла она. – Они служат мне. Если они забыли об этом, я могу напомнить.

– Страхом их надолго не успокоишь, Ваше Величество.

– Увидишь, Бенин.

Дукарте хотел было возразить, и она это видела, но после секундного раздумья просто смирился и снова сгорбился, признавая поражение. И возможно в сотый раз, Королева подумала, что же такого сделала с ним эта проклятая девчонка. Сама она даже не догадывалась о том, что этот мужчина способен испытывать страх, а теперь он, казалось, весь состоял из этого страха.

– Что-нибудь еще?

– Еще одна тревожная новость. Мои люди всегда наблюдают за тайными сходками солдат. Два дня назад в одном из заброшенных домов в южной части города собралась группа из десяти лейтенантов.

– И?

– Они встретились с двумя священниками.

– *Тирийскими* священниками?

– Да, Ваше Величество. Мы не смогли узнать, кто был вторым, но главным оказался отец Райан, который стал правой рукой святого отца, когда брата Мэттью казнили.

С губ Королевы сорвалось рычание. Приспешники тирийского святого отца были такими же ненадежными, как прогнившая веревка, и договор между ними и Королевой завис в воздухе. Святой отец не смог убить девчонку, а Королева вывела войска из Тирлинга. Она не собиралась больше их вводить; пусть сапфиры и казались безжизненными, но она давала клятву на них, и не рискнула бы нарушить ее ради проверки. Но ей следовало догадаться о том, что этот двуличный ублюдок из Арвата будет искать другие пути достижения своей цели. Ей ужасно захотелось ощутить, как пальцы сжимаются на его горле.

– Суть встречи? – требовательно спросила она.

– Пока неизвестна, Ваше Величество. У меня в пыточной двое из этих лейтенантов, но они пока молчат.

– Заставь их говорить *немедленно*.

– Конечно, Ваше Величество.

Но в словах Дукарте чувствовалась неуверенность, и Королеве легко удалось прочесть невысказанную им мысль: не так-то просто помешать людям строить заговоры.

Эви!

– Господи Иисусе, заткнись *уже!* – шепнула она.

– Ваше Величество?

– Ничего.

Королева потеряла виски, желая, чтобы голос в голове смолк. Девчонка неплохо потрудилась над Дукарте, но досталось не только ему. Королева, которая была уверена в том, что давным-давно прикончила Эвелин Рейли, внезапно обнаружила, что в ее голове живут неупокоенные тени воспоминаний. Ей нужен был покой, время, чтобы сесть и все обдумать, чтобы решить, что делать дальше. А еще чай и горячая ванна. Ответы найдутся, а если и нет, то она хотя бы вздремнет, чтобы немного успокоить тот сумбур, что царит у нее в голове последние дни. Она была так уверена, что тирийские сапфиры излечат ее бессонницу, но, само собой, им и это оказалось не под силу. И теперь каждый день приходилось наворачивать те часы сна, которых ей так не хватало ночью...

Вдруг раздался тихий лязг стали. Двигимая древним инстинктом, Королева спрыгнула с трона и тут же скатилась под прикрытие помоста, приземлившись на корточки. Что-то ударилось в спинку ее трона, но она в этот момент уже пряталась за одним из огромных столбов, подпирающих помост с обеих сторон. Ее мозг фиксировал происходящее короткими вспышками. Дукарте, сцепившийся с одним из своих лейтенантов; нож, лежащий у подножия лестницы; другой лейтенант, крадущийся к столбу с мечом в руках.

«Покушение», – поняла Королева, почти оглушенная этой мыслью. Игра была стара как мир, но никто давно уже не осмеливался играть в нее здесь. Она прижалась к гладкой, округлой поверхности столба, позволяя мозгу работать максимально быстро. В армии зрело недовольство, это да, но само по себе недовольство никогда бы не толкнуло их на столь отчаянный шаг. Они почему-то решили, что теперь она уязвима. Может, подумали, что она не тронула Тирлинг, потому что слишком ослабла? Недопустимо. Может ли Дукарте быть в этом замешан? Вряд ли, решила она; скорее, Дукарте был их второй целью. Его никто не любил, даже его собственные солдаты.

Она чувствовала, как приближается к ней второй убийца, как быстро, словно у кролика, стучит его сердце с другой стороны столба. Ей ничего не стоило убить его, но два лейтенанта вряд ли могли устроить этот заговор без поддержки; поэтому хотя бы одного из них нужно было оставить в живых. Из центра зала донесся хрип полузадушенного человека. Она хотела надеяться, что это не Дукарте, но была вынуждена признать, что и такого нельзя исключать. Убийца уже огибал столб, приближаясь к ней с левой стороны, и Королева напряглась, приготовившись схватить его за руку, держащую меч. Но тут что-то врезалось в столб с такой силой, что Королева почувствовала удар даже сквозь десять футов камня. Меч нападавшего упал прямо ей под ноги.

– Ваше Величество? Вы в порядке?

Слова были произнесены с отчетливым тирийским акцентом. Королева выглянула из-за столба и увидела одну из своих фрейлин, новенькую, которую привела Джульетта, когда умерла Мина. Вспомнить ее имя Королеве не удалось. Двигаясь вдоль столба, она обнаружила, что новенькая прижала лейтенанта к столбу, уткнув лицом в камень и приставив нож к горлу. Это не могло не впечатлить Королеву. Пусть крепкая и мускулистая – все королевские фрейлины имели подобное телосложение – девчонка была намного меньше нападавшего. И все же она удерживала его.

Состояние тронного зала говорило о многом. Джульетта замерла без движения, так же, как и остальные фрейлины. Капитан королевской стражи, Гислен, вытаскивал Дукарте из-под тела врага, и даже отсюда Королева могла разглядеть, как наливаются чернотой уродливые синяки на горле ее генерала. Напавший на Дукарте лейтенант был мертв, заколот ножом в спину. Большая часть личной гвардии Королевы по-прежнему стояла вдоль стен, напряженно следя за каждым ее движением. Никто из них даже не шевельнулся.

«Господи Боже!» – подумала Королева. – *Моя собственная стража!»*

Она повернулась к новой фрейлине.

– Как тебя зовут?

– Эмили, Ваше Величество.

– Бенин! Ты в состоянии позаботиться о пленнике?

– Я в порядке! – выплюнул Дукарте, почти рыча. – Он напал исподтишка.

Королева поджала губы. Никто прежде не мог застать Дукарте врасплох. Она посмотрела на новенькую, Эмили, оценивающим взглядом: видна тирийская порода – высокий рост, светлые волосы, крепкие жилистые руки. Хорошенькая, но не красавица; лицо ее имело те простоватые черты, что всегда ассоциировались у Королевы с тирийской беднотой.

– Ты прибыла с поставкой, – заметила королева.

– Да, Ваше Величество, – подтвердила девушка на смеси тирийского и ломаного мортийского. – Фрейлиной меня взяли в том месяце только.

Фрейлина, которая толком не знает мортийского! Должно быть, Джульетта была в отчаянном положении. И все же, учитывая события последних минут, Королева не могла упрекнуть ее за плохой выбор. Конечно, она справилась бы с убийцами и сама, но дело ведь не в этом. Из всех находящихся в зале, лишь двое пытались что-то предпринять: Гислен и рабыня. Слуг с отличным мортийским было много, а вот верность в последние дни встречалась все реже. Как жаль, что девчонка была из тирийцев!

– Передай его генералу Дукарте, – велела она Эмили. – Бенин! Мне нужны имена!

– Да, Ваше Величество, – ответил Дукарте, с трудом поднимаясь на ноги. Новенькая передала пленника генералу, а Королева в это время пристально разглядывала Джульетту, которая изо всех сил пыталась спрятать беспокойство. Говорило ли это о ее вине, Королева не знала. Казалось, теперь предательство окружает ее повсюду. Все походило на старую тирийскую легенду об одиноком тиране, который сидел в своем укрепленном замке под такой надежной охраной, что не мог его покинуть. Дукарте предупреждал ее, что отступление армии породит

серьезные проблемы, и теперь она поняла, что он знал своих солдат намного лучше, чем она. Она должна была прислушаться. Когда Дукарте повел пленника к выходу, Королева вынуждена была признать неприятную правду: этот жалкий человечек был для нее самым близким к тому, кого можно назвать другом. В одиночку ни один из них долго не протянет.

– Бенин!

Он обернулся.

– Ваше Величество?

Королева сделала глубокий вдох, словно была вынуждена выталкивать каждое слово из горла. Просить о помощи... для нее это было самым трудным, самым ужасным. Но других вариантов не осталось.

– Теперь остались только мы с тобой, Бенин. Понимаешь?

Дукарте кивнул, скривившись, и Королеву внезапно настигло озарение: она была ему так же неприятна, как и он – ей. Над этим стоило подумать, но позже, когда минует этот кризис, когда ей наконец-то удастся нормально выспаться ночью.

– Ступайте.

Дукарте ушел, подталкивая перед собой пленного лейтенанта. Возможно, что из этого пленника не удастся ничего выжать; недовольная армия была богатым полем для вербовки, но умный заговорщик никогда ничего не скажет убийце, а ее неуловимый противник, этот Левье, определенно не был глупцом. Королева снова устроилась на троне, разглядывая скопище предателей у его подножия: стража, фрейлины, солдаты, придворные, не меньше тридцати человек, каждый из которых что-то против нее замышляет. Джульетта начала руководить уборкой тел с пола, но ее взгляд, полный страха, то и дело останавливался на Королеве.

Королева нашла глазами новенькую, которая опять стояла у стены, вместе с прочими фрейлинами. Нужно будет покопаться в прошлом девчонки и выяснить, где обычная тирийская крестьянка так выучилась владеть ножом. Но это потом; сейчас хватало более важных проблем. Целые деревни исчезали, люди бежали из Гляс-Вер. Королева больше не командовала армией, только шайкой головорезов. Сирота или темное существо, под каким бы именем он ни скрывался, был все ближе, и она не знала способа его остановить. Новенькая могла бы быть полезной, но она о ней ничего не знала, а Королева больше всего ненавидела именно неопределенность. Она почувствовала внезапное желание закричать, швырнуть что-нибудь, как-нибудь заставить этих людей перестать глазеть на нее в ожидании очередной ошибки.

– Эмили, так? – обратилась она к рабыне.

– Да, Ваше Величество.

Королева задержала на ней изучающий взгляд. Она не могла доверять никому, пришла к ней мысль, но возможно тирийская рабыня – это выбор получше многих других. По большому счету, тирийцы, прибывшие с поставкой, не хранили верность своему королевству; скорее, испытывали неприкрытую ненависть. Конечно, было рискованно давать тирийской рабыне доступ к королеве Тирлинга, но эта рабыня хотя бы *действовала*, черт побери... и это уже было больше, чем Королева могла сказать о любом в этом зале, включая собственную стражу. Тут она снова с тоской вспомнила Берилла и то время, когда верность можно было встретить, не выбирая из двух зол меньшее.

– Ты больше не фрейлина, – заявила ей Королева. – У тебя будет особое задание. Ступай в мои подземелья. Я хочу получить полный отчет о состоянии тирийской королевы. Где она, в каких условиях содержится. Узнай, обращалась ли она с какими-нибудь просьбами к своим тюремщикам.

Девчонка кивнула, бросив торжествующий взгляд на Джульетту, потемневшую лицом. Между ними нет особой любви; хороший знак.

– И найди себе учителя мортийского. Учись быстро. Я не хочу слышать от тебя ни слова на тирийском.

Еще один хороший знак: у Эмили не нашлось ни возражений, ни вопросов. Она молча кивнула и вышла.

Королева снова уселась на трон, но тут оказалось, что, сидя здесь, она может лишь разглядывать свежее пятно крови на полу. Волнения и мятежи. Ни один правитель не сможет долго их подавлять, даже силой. Левье и темное существо... на секунду мелькнула мысль, могут ли они действовать вместе. Но нет, темное существо никогда не опустится до того, чтобы действовать с кем-то. Даже она сама, считавшая себя его партнером, оказалась лишь пешкой в его игре. Темное существо дождется, пока она ослабеет, пока мятеж, бушующий по всему Мортмину, достигнет пика, а затем придет за ней.

«*Я могла бы сбежать*», – подумала Королева, но эта идея была не самой лучшей. Ее одинаково ненавидели и в Калле, и в Кадаре. Оставался север, где ее ждало темное существо, и запад, худший вариант из всех. Если тирийцы доберутся до нее, они разорвут ее на клочки, наслаждаясь каждым криком. И даже если бы ей удалось сбежать, забиться в какую-нибудь темную дыру или дальний угол, что бы это была за жизнь для нее, привыкшей повелевать королевствами?

Эви! Иди сюда!

– Нет, – шепнула она. Задолго до того, как Тирлинг прислал свою первую поставку, она сама была рабыней, и теперь пути назад не было. Уж лучше умереть. Она вспомнила свой повторяющийся кошмар, преследующий ее вот уже много месяцев: последний полет, девчонка, пламя и человек в сером у них за спиной. «*Ты сбежишь*», – сказала ей когда-то темное существо, и, возможно, она все-таки сделает это, но в самом конце, когда ей будет нечего терять. Она вздернула подбородок, оглядев предателей, набившихся в приемную.

– Следующий.

Глава 3. Демин

Эти люди так чертовски гордятся своей ненавистью! Ненависть – это так просто, это чувство лентяев. А вот любовь требует усилий, любовь позволяет каждому из нас найти в себе все самое лучшее. За любовь приходится платить очень дорого; и этим она ценна.
– *Цитаты Королевы Глинн. Составитель отец Тайлер.*

Долгие годы он находил дорогу в самые невообразимые места, а потом выбирался из них. За это время Ловкач понял, что самое ценное умение – это правильная походка. Слишком быстрая была подозрительной. Слишком медленная мешала выиграть время. А вот правильная скорость и уверенная походка человека, которому здесь самое место, производили прямо-таки магический эффект на стражей и караульных.

Он неторопливо прошлепал вверх по лестнице походкой довольно упитанного и к тому же не определившегося с направлением человека. На нем был плащ одного из стражей Арвата, и его взгляд, скрытый капюшоном, метался из стороны в сторону, засекая малейшее движение. На часах была половина четвертого утра, и почти весь Арват спал. Но не совсем; Ловкач слышал голоса и движение высоко над головой, звуки неслись по лестницам откуда-то с верхних этажей. Новая толпа. Когда Святого отца рукоположили в сан, верующие города приветствовали его избрание трёхдневным бдением у стен Арвата. Эти люди верили, что Святой отец вернет Церкви былую славу, померкшую после восшествия на престол королевы Глинн. И именно из этих людей Святой отец собирал своих последователей.

«Я бы вам рассказал, – подумал Ловкач, и мысль эта окрасилась мраком, а вместо Святого отца он увидел Роу, одетого в белое. – Я бы вам рассказал о Церкви Господней».

Толпы были злом; они уже растерзали нескольких «грешников» в разных частях города. Но худшее было впереди. Новый Святой отец нанял для Арвата двадцать пять новых счетоводов, но даже обычному человеку было ясно, что они не имеют ни малейшего отношения к цифрам, зато дружат с дубинками и ножами. Хоуэлл следовал за некоторыми из них в городе, и в Кишке, и в районе складов, даже в Яслях, где они ввязывались в любую мерзость, если она сулила барыш. Интуиция говорила Ловкачу, что здесь, во мраке, под улицами города растёт обширная криминальная империя.

Безусловно, в Тирлинге было немало бандитов, и королевский казначей был одним из них. Но тут речь шла о Церкви, и Ловкач, бывший когда-то прихожанином Церкви Господней, чувствовал, что эти вещи серьезно различаются. Преступники и сутенеры... он не понимал, почему такое продолжает его удивлять. Однако ему было одинаково стыдно что тогда, что сейчас.

Перед смертью Томас Рейли сказал Ловкачу, что корона находится на хранении у Святого отца. Томас бесчисленное количество раз пытался небольшими взятками вернуть ее назад, но ему, по крайней мере, хватило ума не пообещать того, чего Святой отец хотел больше всего: вечного освобождения Церкви от налога на прибыль. В конце концов, это была всего лишь корона, хотя Ловкач, который всегда с легкостью угадывал, что у Томаса на уме, увидел в глазах приговоренного нечто совсем иное: он страстно желал заполучить ее. Пусть бывший регент понятия не имел, что она может – как, кстати, и Ловкач – но серебряный обруч символизировал для Томаса нечто важное, требующее подтверждения. В последний момент перед казнью Ловкачу даже стало его жаль, но не настолько, чтобы опустить топор.

Несколько недель спустя, сразу после пленения Королевы, Хоуэлл принес слух о том, что из Арвата что-то украли. Бандиты Святого отца не знали, что именно, но слышали, что оно хранилось в полированной шкатулке из вишни; именно это и заставило Хоуэлла наострить

уши. Люди Ловкача никогда не видели эту шкатулку, но сам он видел, давным-давно, в руках человека, которого он считал своим другом. Держать ее подальше от загребущих рук Роу было первостепенной задачей, но были руки не менее жадные и грязные. Вся Церковь искала священника из Цитадели, отца Тайлера, и вознаграждение за его поимку росло изо дня в день. Если священник из Цитадели забрал корону, то Ловкач не сможет найти ее, если будет прятаться по углам в Арвате. Но вчера он заметил кое-что интересное, а если жизнь его чему и научила, так это тому, что информация лишней не бывает. Незначительные детали, услышанные при случае, могут однажды весьма пригодиться.

И вот перед ним была темноволосая женщина, сидящая на скамье в начале коридора, куда выходили кельи братьев. Ее лицо, похоже, было исполосовано опасной бритвой. Порезы не были зашиты, и лицо женщины словно состояло из лоскутов засохшей крови и воспаленной плоти. Когда Ловкач подошел, она сидела, уставившись в землю.

Хоуэлл ничего не слышал об этой женщине, но Ловкач, покрутившись на кухнях, собрал немало слухов, из которых узнал, что зовут ее Майя, и она была одной из сожительниц Святого отца. Ловкач, который с первого взгляда отмечал способных людей, внимательно следил за тогда еще кардиналом Андерсом годами; у него всегда были женщины, и всегда двое, ни больше, ни меньше. И хоть от паствы их тщательно скрывали, но в самом Арвате их присутствие ни для кого не было тайной. Андерс находил их среди проституток, и отправлял туда же, когда они ему надоедали. Но вот эта, Майя, больше никогда не сможет работать. Как и все прочие сожительницы Святого отца, она подседа на морфий, и Ловкач предполагал, что только эта зависимость заставляет ее сидеть здесь. Возможно, сама она не загадывала дальше получения следующей дозы, но Ловкач понимал, что жить ей осталось недолго.

И все же с ней была связана какая-то тайна. Андерс был не из тех, кто режет своих женщин. Он, определенно, был жесток, но эту свою жестокость он приберегал для выступлений против содомии. Майю не пытались спрятать; она сидела на всеобщем обозрении. Ее наказали, и сделали примером для других. И Ловкач был решительно настроен узнать почему.

Он похлопал женщину по плечу, и та подняла голову. Раны на ее лице предстали во всей своей жестокой неприглядности, несмотря на довольно тусклый свет факелов; один из них пересекал ее переносицу и проходил совсем рядом с уголком глаза. Было похоже, что она плачет кровавыми слезами, и это снова навело его на мысли о Роу. Воодушевленный тем, что ему удалось найти эту женщину, он на время забыл, какой ад сейчас творится в северной части обоих королевств – и Мортмина, и Тирлинга. В этом заключалась одна из главных опасностей, связанных с Роу; его было чертовски легко игнорировать до тех пор, пока не становилось слишком поздно.

– Ты – Ловкач, – прошептала Майя.

На мгновение он замер, ошеломленный, а затем вспомнил, что он все еще в своей маске. Ему частенько доводилось забывать о ней; ощущение ее кожаной гладкости стало для него таким привычным, что он ощущал ее частью своего лица. Он услышал, как далеко, в глубинах Арвата, часы бьют четыре.

– Чего ты от меня хочешь?

Ловкач легонько прикоснулся к ее волосам, откидывая их со лба. Ему частенько приходилось притворяться, чтобы получить то, что нужно, особенно когда дело касалось женщин, но в этом жесте не было ни капли притворства. В Тирлинге побои не были редкостью, но Ловкачу почти никогда не доводилось видеть так сильно изуродованную женщину. На секунду Ловкачу почудилось, что глубоко в сознании он слышит голос Уильяма Тира.

«Бог не ограничивается одним. Хотите – верьте, хотите – нет; вера вашего соседа может принести вам боль так же, как и ваша собственная».

У Ловкача чуть не вырвался стон. Они же слышали, каждый из них; они слышали, как Уильям Тир произносил эти слова – или что-то вроде них – много раз, но никогда его не слу-

шали. Всем им, рожденным после Перехода, не имеющим перед глазами примеров, слова Тира казались сотрясанием воздуха. Ловкач был в лоне Церкви Господней довольно давно, чтобы знать, что ужас, представший перед его глазами, не имеет ничего общего ни с Господом, ни с добром. Жестокость в очередной раз нашла отличное прикрытие в тени креста.

«Мы не слушали».

«Нет, ты не слушал. Кэти слушала».

И это была правда. Она слушала. И заплатила за это, вынужденная бежать и прятаться с ребенком Джонатана в животе. Ловкачу внезапно больше всего на свете захотелось хотя бы на пять минут увидеть Кэти, извиниться и сказать, что она была права. Тот, молодой Гэвин был слишком горд, чтобы даже подумать об извинениях, а вот Ловкач обнаружил, что с возрастом испытывает все более сильное желание заплатить по счетам и сделать все, как полагается. Но теперь было слишком поздно молить Кэти о прощении. Перед ним была лишь эта женщина, чье лицо изуродовали бритвенные порезы.

– Почему он сделал это с тобой?

– Потому, что я позволила священнику из Цитадели сбежать.

– Почему?

Майя подняла на него мутный взгляд.

– Старик был добр. Он выслушал. Он сказал, что Королева хорошая...

Она замолкла, оглядевшись, и Ловкач понял: ее держал здесь не морфий, она просто смирилась с поражением. Кожа на ее шее и плечах была влажной от пота.

– Хорошая, – продолжила она внезапно охрипшим голосом; спазм скрутил ее мышцы, заставив сжаться и голосовые связки. – Он сказал, она – хорошая. И я подумала, ну, если она хорошая, тогда Андерсу нельзя позволять прятать это от нее. Нельзя ему этого позволять.

– Прятать что?

– Корону. Ему нравилось примерять ее, когда никто не видел, но даже когда я была под кайфом, я всегда думала: она не его, она принадлежит Королеве. Ему нельзя надевать ее. – Она медленно моргнула; Ловкач подумал, что она, похоже, вот-вот потеряет сознание. – Когда старик пришел, я поняла, что это мой миг, и я дерзнула.

Ловкачу нужно было узнать кое-что еще, но его время подходило к концу.

– Эта корона. Как она выглядела?

– Серебро. Обруч. Голубые сапфиры. В красивой шкатулке.

– И священник из Цитадели забрал ее?

Она кивнула.

– Где он?

– Не знаю. Говорят, он сбежал и забрал с собой отца Сета. Когда Андерс об этом узнал, он порезал мне лицо.

Ловкач нахмурился, чувствуя, как узлом скрутило внутренности. Немногие в Тирлинге знали, что серебряный обруч, который Рэйли носили веками, был всего лишь копией. Настоящая корона пропала без следа, вместе со шкатулкой вишневого дерева. Ловкач подозревал, что Кэти забрала ее с собой, но он не был до конца уверен. И где бы сейчас не находилась корона, по крайней мере какое-то время она была здесь, в Арвате, и он ее упустил. Два священника-затворника, предоставленные сами себе, в Новом Лондоне. От этой мысли его бросило в дрожь.

– Они тебя кормят? – спросил он у Майи.

– Да. Каждый день крошечную порцию, такой не наешься...

Ловкач скривился.

– Может останешься, составишь мне компанию? – спросила Майя. – Я не боюсь твоей маски.

– Тогда ты первая такая, – пробормотал Ловкач. Даже он сам стал бояться этой маски, потому что больше не мог понять, кто же скрывается за ней. Отверженный? Мрачный предатель, вынужденный скрываться и носить маску из опасения когда-либо быть узнанным? Или мальчик по имени Гэвин, тот, который так отчаянно хотел быть правым, быть умным, что стал легкой жертвой для лучшего манипулятора из них всех?

«Который из них – ты сам?»

Он не знал. Он бродил по земле Тира более трех сотен лет, и иногда ему казалось, что он вовсе не один человек, а всего лишь совокупность персонажей, нескольких разных людей, проживающих каждый свою отдельную жизнь.

«Но кто из них ты нынешний?» – набатом стучало у него в голове. – *«Каким человеком ты стал?»*

Да, это был вопрос. Мальчишка, Гэвин, без сожалений оставил бы на этой скамье изуродованную женщину, которая сыграла свою роль и предоставила ему нужную информацию. Мужчина, Ловкач, мог бы выкрасть ее, но только чтобы добавить блеска своей славе, как он однажды выкрал несчастную сожительницу прямо из-под носа у Томаса Рейли.

Он сунул руку во внутренний карман своей рубашки и вытащил завернутый в ткань футляр. Внутри оказались несколько игл и приличное количество высококлассного морфия. Он не ожидал, что это может ему пригодиться, и взял футляр с собой просто на всякий случай. Теперь он развернул ткань и щелкнул пальцами перед лицом Майи.

– Послушай. – Он впихнул футляр ей в руку. – Это тебе. Спрячь их, спрячь как можно лучше.

Ее взгляд, ставший вдруг осмысленным, сосредоточился на иглах.

– Мне?

– Да. На всякий случай. – Он коснулся ее щеки, заставив поднять голову. – Это качественный продукт. Мощный, намного мощнее того, что ты получала от Святого отца. Если ты примешь все за раз, то не переживешь ночь.

Она решительно посмотрела на него, стиснув футляр в кулаке.

Ловкач на цыпочках отступил, оставив ее на скамье. Сперва он решил подняться и прикончить Святого отца за все его делишки, но потом понял, что не может; не исключено, что тот ему еще пригодится, но даже если и нет, все равно за ним уже стоит очередь из желающих, среди которых могут найтись чудовища и похуже. Нет, лучше просто исчезнуть, испариться, как он это делал всегда. И все же его переполняла ненависть к самому себе.

– Милостивый Боже, – прошептал он, зная, впрочем, что хотя его и окружают стены одного из старейших домов славы Господней в новом мире, он говорит с пустотой. Если когда-то в Тирлинге и был Бог, то он давно его покинул.

* * *

Жавель не мог оставаться на месте. Большую часть утра он метался перед окном, усеянным крошечными капельками. Холодный дождь поливал Демин уже вторую неделю, и немощные улицы района Брин больше походили на болото, полное грязи. Зима пришла в мортийскую столицу на пару недель раньше, чем в Новый Лондон; Жавель был благодарен Галену за то, что тот велел взять теплую одежду. Иногда осторожность Галена раздражала – словно он слишком вжился в роль заботливой мамочки – но чаще – нет, потому что все его предосторожности обычно были не зря. Жавель привык доверять его инстинктам, и пару дней назад, когда Гален предложил переехать, они собрали вещи и поехали в Брин.

Жавель не ожидал, что ему понравится Демин. Еще до того, как он забрал Элли у Жавеля, Мортмин всегда казался ему оплотом зла, царством тьмы, как в сказках, которые рассказывали ему в детстве. Но Демин оказался обычным городом, с домами, парками и улицами, а Жавель

прожил в городе всю свою жизнь. Демин был больше Нового Лондона, и мог похвастаться впечатляющей архитектурой, ведь большая часть домов в нем была кирпичной, а не деревянной. Дома на всех улицах сверкали стеклами окон, потому что стекло в Мортмине стоило почти столько же, сколько кирпич, благодаря обильным поставкам дани из Кадара. Красная Королева была отнюдь не глупа; она сделала так, что стекло было доступным даже самым бедным морттийцам. По всему городу были заметны признаки удобной и хорошо организованной жизни, вроде красивых, чистых площадей и парков. Создавалось впечатление, что это гостеприимный, приятный город, что шло в разрез с тем образом Мортмина, что с детства засел у Жавеля в голове.

Однако все площади и парки находились под пристальным наблюдением Службы внутренней безопасности Королевы, контролирующей все встречи и собрания. А окна означали, что спрятать ничего не выйдет.

– Успокойся, Страж Ворот, – пробормотал Гален из-за стола, за которым он писал сообщение для Булавы. – Ты протопчешь дыру в половике.

Жавель замер перед окном. Остановившись, он почувствовал размеренные удары под ногами. Литейные цеха, печи обжига кирпичей и множество других промышленных сооружений работали под этими улицами, и шум стоял ужасный, даже в домах. Из-за него комнаты на первом этаже кабака «У Мейклеяна» были невероятно дешевы, чем тирийцы и воспользовались. Вот уже пару дней они снимали комнату у трактирщика с отвратительным характером. Гален, как всегда осторожный, выразил опасение из-за того, что Жавелю придется жить в кабаке, но ему не стоило беспокоиться. Кабаки Демина ничуть не походили на своих собратьев в Новом Лондоне, что походили на темные дыры, куда можно забиться и залить горе. К тому же Жавель давно уже не был настолько равнодушен к выпивке, как сейчас. Дайера не было всю ночь, но скоро он должен вернуться и, если ему повезло, сообщить, где находится Элли.

Они были ужасной командой. Пусть Гален и Королевский Страж, но он слишком стар для таких авантур. Дайер и Жавель достигли хрупкого равновесия, прикрывая недоверие вежливостью, но Жавель знал, что если ситуация позволит, Дайер с радостью вышвырнет его вон. Дайер частенько задевал его, и это выходило у него довольно просто, ведь Жавелю нечего было возразить на два основных обвинения Дайера: Жавель действительно был предателем и пьяницей. Пару раз Галену приходилось разнимать их, когда спор грозил перейти в драку – хоть Жавель и понимал, что ему не победить противника – но любое заключенное между ними перемирие длилось недолго. Дайер ненавидел его, и Жавелю иногда хотелось признаться и упростить противнику жизнь: вряд ли Дайер мог бы ненавидеть его в половину так же сильно, как он сам себя ненавидел.

Но их странное товарищество порой бывало довольно эффективным. Гален, выросший в приграничной деревушке, разговаривал по-морттийски настолько хорошо, что мог легко смешаться со здешними жителями. Поэтому, чаще всего говорил он – морттийский Дайера был хорош, но подводил легкий акцент, вполне, однако, различимый чутким ухом, а Жавелю, который вовсе не знал языка, было запрещено открывать рот. Жавель вынужден был признать, что Гален отлично умел договариваться. Он нашел им жилье у Мейклеяна практически даром, и, что более важно, заверил, что хозяин не станет вмешиваться в их дела.

И был еще Дайер. Жавель полагал, что Дайера отправили с ними, как охрану, ведь он был одним из лучших мечников в Королевской Страже. Но у него обнаружились и другие таланты: ему потребовалась всего пара дней, чтобы подцепить девчонку из Аукционного кабинета. С тех пор они встречались уже несколько раз, и с каждого свидания Дайер заявлялся со все более невыносимым видом человека, страдающего за свою Королеву и страну. Все трое изображали из себя купцов с юга, а Дайер к тому же демонстрировал сильнейший интерес к работоторговле. Прошлым вечером девчонка должна была уже показать ему Аукционный кабинет, но, когда утром Жавель проснулся, Дайера еще не было. И теперь Жавелю оставалось только метаться

туда-сюда перед окном. В Аукционных списках содержались сведения об имени, месте нахождения и происхождении каждого раба в Мортмине, ведь кабинет Гейна Брюссара работал не менее эффективно, чем Бюро Переписи Торна. Новость достигла Демина почти месяц назад: Арлен Торн мертв. Королева Глинн казнила его, и даже мортийцы единодушно считали эту смерть хорошей новостью. Но Жавелю новости о смерти Торна не принесла того удовлетворения, которое он, казалось, должен испытывать, – лишь чувство пустоты. Он мог бы поставить последнюю монету на то, что даже умирая, Торн был абсолютно уверен в своей правоте. А если он и раскаялся в последний момент, то в мире осталось еще немало таких Торнов.

– Ты снова мечтаешь, – заметил Гален. – Если не возьмешь себя в руки, мне придется привязать тебя к стулу.

– Прости, – пробормотал Жавель, заставляя себя замереть. Ожившая надежда оказалась мучительнейшей вещью. Иногда он скучал по былым дням. В последние шесть лет его жизнь в Новом Лондоне была жалкой пародией на нормальную, это правда, но, по крайней мере, у него была уверенность.

Снаружи дождь перешел в ливень, и по обе стороны улицы торговцы, только что расхваливавшие свои товары, закрывали магазины. Прямо под окном Жавеля на тротуаре лежала куча конского навоза, которую никто не потрудился убрать. Пусть окна здесь и были, но этот район трудно было назвать благополучным. Конечно, таких трущоб, как Кишка, где каждый первый был негодяем, здесь не было. Но исследуя город, Жавель не раз забредал в те районы, которых не коснулись улучшения, введенные Красной Королевой, и теперь в них царило запустение. Обычно он отмечал такие места в своей мысленной карте. Так он выполнял свою часть работы и мог не чувствовать себя совсем уж бесполезным. Дайер большую часть жизни провел в Цитадели, а Гален был, можно сказать, деревенским мальчишкой, выбившимся в стражи. Их обоих пугали размеры Демина, запутанная система его улиц и дорог, и поэтому, как только у них возникали трудности с городской географией, они обращались к Жавелю.

За те двадцать минут, что он провел у окна, Жавель заметил уже три отряда мортийских солдат. Несмотря на отсутствие здесь Кишки, большая часть города не могла похвастаться особой благополучностью. Горожане просто делали свои дела и старались не лезть в чужие. Не похоже было, что Демин находится на военном положении, но регулярная полиция города беспрестанно прочесывала улицы. Жавелю еще не довелось увидеть настоящих беспорядков, хотя Гален утверждал, что Тирлинг, даже под властью Томаса Рейли, всегда был более лоялен к народным протестам, чем Мортмин. Гален также говорил, что солдаты – это предупредительная мера, и оказался прав. Даже трое чужаков чувствовали, как изменился город, как зреет недовольство даже в благополучных кварталах. Гален, никогда не забывающий о своей принадлежности к Королевской Страже, частенько сидел по вечерам в каком-нибудь кабаке, растягивая кружку эля на много часов и собирая слухи для Булавы. Надо сказать, в последнее время собирал он немало. Королева Тирлинга – которую в Демине теперь считали могущественной колдуньей – явилась в мортийский лагерь и заставила мортийцев отступить у самых ворот Нового Лондона, прям как когда-то ее мать, правда, никто не знал, как ей это удалось. У Жавеля мелькнула было мысль, не пришлось ли Королеве возобновить поставки, но он отогнал ее. Он не был фанатичным приверженцем Королевы, как Гален или Дайер, но никогда не забывал ту женщину, которую увидел на лужайке перед Цитаделью, женщину, которая открыла клетки. Она бы скорее перерезала себе горло, чем возобновила поставки рабов.

И Дайер, и Гален беспокоились за Королеву – хоть и пытались скрыть это – но больше о ней ничего не говорили, ни в одном кабаке. Остальные слухи касались в основном проблем Мортмина, а их было немало. Какая-то чума поразила северные земли, опустошая деревни и заставляя жителей в спешке сниматься с мест. В северных городах Ситэ-Марше и Арк-Норде свирепствовал мятеж. Силы мятежников двигались к Демину, и Демин ждал их с нетерпением. Сокращение работоторговли привело к тому, что многие горожане остались без работы, а мно-

гие предприятия – без регулярных поставок бесплатной рабочей силы от Короны. Даже та девчонка из Аукционного Кабинета по секрету призналась Дайеру, что боится потерять работу. Экономика Демина приходила в упадок, и люди во всех уголках города винили в этом лишь Красную Королеву. Вторжение в Тирлинг, которое с возвращением армии должно было принести столь необходимые городу средства, окончилось ничем.

Жавель полагал, что вступление армии в город успокоит беспорядки. Но вместо этого проблемы Красной Королевы умножились. Двое Стражей думали, что весь этот хаос к лучшему, так как он облегчит их работу. Жавель надеялся, что они правы.

– Сэр!

В дверь заколотили кулаком. Голос принадлежал Дайеру, и Жавель с неудовольствием отметил, что тому как-то удалось проскочить мимо него. Дождавшись кивка Галена, он отпер дверь и был почти сметен с дороги, когда запыхавшийся Дайер ворвался в комнату.

– Сэр, идемте. Сейчас же.

Гален встал и схватил свой плащ. Именно это больше всего восхищало Жавеля в Королевских Стражах: ни споров, ни препирательств, все вопросы откладываются до более подходящего момента. Он хотел было спросить об Элли, но мгновенная реакция Галена заставила его стыдливо промолчать. Никто не звал его с собой, но он все равно отправился за ними, тщательно заперев за собой дверь в их жилище. Ему пришлось поторопиться, ведь двое Стражей пронеслись мимо зыркнувшего на них трактирщика и не сбавляли скорость, пока не оказались на улице. Дождь снова перешел в морось, почти в туман. В воздухе едко пахло дымом из литейных цехов. Над зданиями справа от них Жавель мельком заметил высокие башни Дворца и алый флаг, реющий над ними, чтобы люди Демина не забывали, что правление Красной Королевы началось с рек крови.

Оба Королевских Стража перешли на ровную рысь, однако и ее оказалось достаточно, чтобы Жавель почувствовал, как разрываются легкие. Впрочем, где-то милою спутя их бег замедлился. Они приближались к Рю Гранде, огромному бульвару, рассекающему Демин надвое. Жавелю нравилось бродить по городу, но он всегда старался избегать Рю Гранде, ведь он упирался в западные ворота Демина, за которыми начинался Пиковый Холм. Жавель никак не мог выкинуть из головы мысль о том, что много лет назад Элли пришлось проделать весь этот путь в клетке. Но Дайер вел их в этом направлении, и Жавелю оставалось лишь следовать за ним. Толпа стала плотнее, когда они вышли к бульвару; казалось, люди непроходимой стеной стоят по обеим его сторонам, однако двум мощным Королевским Стражам легко удалось расчистить себе дорогу, а за ними следом прошел и Жавель.

Когда они вышли к самому бульвару, им пришлось остановиться; здесь просто не было места. По центру бульвара, свободному от людей, в направлении Дворца ровными рядами двигались сотни всадников в тяжелых доспехах. Землю сотрясали удары множества копыт, но за ревом толпы Жавель не слышал их топота.

– Что это? – крикнул он Дайеру прямо в ухо. Он был готов к тому, что Дайер повернется и даст ему тумака – такое уже случалось прежде – но тот просто не обратил на него внимания. Его ищущий взгляд был устремлен на бесконечную колонну всадников.

– Там! – крикнул он.

Жавель встал на цыпочки, пытаясь выглянуть из-за широких плеч спутников. Пару секунд спустя он кое-что разглядел: открытую повозку, со всех сторон окруженную мортирской кавалерией. Слегка подпрыгивая за плечом Галена, он увидел сидящую спиной к движению повозки фигуру, чье лицо полностью скрывал капюшон.

– Что это? – снова выкрикнул он, и на этот раз Дайер, хоть и скривившись от отвращения, но снизошел до ответа.

– Там Королева, ты, чертов пьяница.

Жавель хотел было крикнуть, что он больше не пьет, что он трезв вот уже шесть месяцев. Но тут до него дошли слова Дайера.

– Королева?

– Да, Королева, – рявкнул Дайер, – попала в плен, пока мы тут сидели и занимались какой-то ерундой из-за тебя.

Жавель снова встал на цыпочки, уставившись на повозку, которая теперь была прямо перед ними. Линия плеч определенно походила на женскую, как и тонкие запястья, прикованные к повозке. Когда повозка приблизилась, рев толпы усилился и кусок чего-то подозрительно напоминающего сырое мясо пролетел в непосредственной близости от головы женщины.

– Что будем делать? – крикнул Дайер Галену.

Жавель ощутил легчайшее прикосновение к поясу. Он опустил глаза и увидел карманника, едва вышедшего из детского возраста, который деловито ощупывал изнанку его плаща. Он оттолкнул мальчика прочь.

– Ох, Боже! – вырвалось у Галена.

Жавель поднял голову и увидел, что повозка проехала мимо них, и теперь можно разглядеть, что у пленницы под капюшоном. Было видно, что кто-то серьезно ее избил; нижняя губа была разбита, а правый глаз украшал огромный синяк. Но эти зеленые глаза нельзя было спутать ни с какими другими; они смотрели сквозь толпу, которая проклинала пленницу и швыряла в нее кусками грязи, порой долетающими до ее ног. Жавель мог с уверенностью сказать, что ее взгляд прошелся по ним, троим и замер, встретившись с его, на один бесконечный миг. Затем повозка скрылась из вида.

Дайер схватился за меч, и Жавель почувствовал, как паника сжала его сердце. Неужели Дайер и впрямь хочет напасть на мортийскую армию, подставив их всех? Сейчас? А как же Элли?

Просунувшаяся между ними рука ухватила Дайера за запястье, и раздался шепот на тирийском: – Ничего не делай!

Они обернулись и увидели группу одетых в темное мужчин, стоящих позади. Их главарь был невысок, но вот его товарищи, все как на подбор оказались здоровяками, а один из них был таким крупным, что ни Дайер, ни Гален не смогли бы с ним справиться. Будь это мортийский патруль, они все, скорее всего, были бы уже мертвы. Жавель решил, что будет умолять Дайера рассказать, где находится Элли, на случай если другого шанса не будет.

Гален вытащил нож, но незнакомец лишь глянул на него вскользь, прежде чем снова обратить свое внимание на Дайера.

– В этот раз ты ей не поможешь, Страж. Прибереги силы для другой попытки. Она избита, но не сломлена; гляди!

Все трое обернулись посмотреть, но повозка давно скрылась из вида. Мортийская кавалерия все шла и шла и казалась бесконечной.

– Кто вы? – требовательно спросил Гален, снова обернувшись.

Но мужчина и его спутники уже растворились в толпе.

* * *

Камера Келси была размером восемь на восемь футов. Она узнала это, измерив шагами длину каждой стены. Три стены были каменными и очень крепкими; пальцы Келси не нащупали ни трещины, ни впадины. Четвертая была из железных прутьев с дверью, за которой виднелся длинный коридор. Звуки из этого коридора доносились нехорошие: крики, стоны, а где-то неподалеку мужской голос постоянно бормотал, ведя нескончаемый диалог с неким Джорджем. Тот факт, что Джорджа рядом не было и поддержать беседу он не мог, вовсе не мешал

бедняге, который был решительно настроен убедить своего невидимого друга в том, что он не вор.

Здесь не было возможности вести счет времени. Ее часы забрали еще в лагере, и теперь Келси понимала, что одно из самых ужасных обстоятельств в ее непростой ситуации – это невозможность узнать, сколько времени прошло. Еда вносила разнообразие – но не особо, ведь обычно ее кормили холодными овощами, иногда в сочетании с куском мяса неизвестного Келси происхождения. Однако, она заставляла себя съедать все. Никакого распорядка кормления, похоже, не существовало, поэтому в следующий раз еду могли принести нескоро. То же самое было и с водой; Келси пришлось привыкнуть беречь имеющийся в ведре запас.

Она почти ничего не видела; мортийцы не обеспечивали пленников такой роскошью, как свечи. Несомненно, многим заключенным сохраняли жизнь против их воли, потому что Келси не раз слышала многочисленные мольбы о смерти. Она видела определенную логику в лишении заключенных света; темнота сама по себе была ужасной вещью. Она намного лучше относилась к своим заключенным, даже к Торну.

Но о Торне лучше было не вспоминать. Вероятнее всего, Келси находилась здесь уже четыре дня, и за это время успела понять, что в подземельях нечем заняться, кроме размышлений. В последние недели в Цитадели, когда мортийцы подбирались все ближе, у нее просто не было времени на самокопание, но здесь ей ничего другого не оставалось, и она часто вспоминала об Арлене Торне, скорчившемся на помосте, с лицом, искаженным мукой. Он был предателем и работником, жестоким человеком, не гнушавшимся пыток. Он представлял реальную опасность для Тирлинга. И все же...

– Джордж, ты должен мне поверить! – закричал пленник в одной из камер. – Я не брал его!

Келси гадала, почему его некому успокоить. Здесь редко можно было увидеть людей, разве что тюремщиков и слуг, приносящих еду. Они приносили с собой факелы, а значит и свет, достаточно света, чтобы Келси могла рассмотреть свою камеру с голым полом и двумя ведрами. Ее тюремщика среди них не было, и это ее бесконечно радовало. Темнота, монотонность, нерегулярные приемы пищи... эти нерадостные вещи были все же ожидаемы, а вот такой тюремщик стал неприятной неожиданностью, которой Келси предпочитала угрюмое спокойствие своего одиночества.

Внизу было холодно и сыро – она не заметила рва вокруг Дворца, но влага откуда-то определенно поступала – но Келси в некотором роде повезло. Перед утренней поездкой на мост она надела теплое платье, и плотная шерстяная ткань почти не пострадала в дороге. Она мерзла лишь в тех редких случаях, когда в подземельях гулял ветер – верный знак, что входов и выходов здесь несколько, или что где-то в стенах есть щели. Большую часть времени она поводила у решетки, прислушиваясь и пытаясь оценить размеры этого места. Дворец был не так высок, как Цитадель, но занимал громадную площадь. Так что она могла находиться даже в полумиле от внешних стен.

В данный момент Келси сидела у стены рядом с прутьями решетки, пытаясь понять, действительно ли она слышит странный звук: царапанье и шуршание с другой стороны стены. Судя по тусклому, неясному отблеску факельного огня, замеченному ею по пути сюда, с той стороны находилась еще одна камера с решеткой. Мортийцы не любили тратить место зря так же сильно, как и предоставлять пленникам даже призрачную возможность уединения. В той камере кто-то был, и этот кто-то что-то царапал на стене, постоянно, хоть и довольно беспорядочно.

Келси прочистила горло. У нее во рту вот уже несколько часов не было ни капли воды, и теперь в ее голосе прорезалось множество скрипов и хрипов.

– Привет? – окликнула она по-мортийски. Царапание прекратилось.

– Там кто-нибудь есть?

Царапание возобновилось, но теперь медленнее. Келси поняла, что сидящий за стеной делает это намеренно, чтобы дать понять, что он все слышал, просто не отвечал.

– Как давно вы здесь находитесь?

Царапанье продолжилось, и Келси вздохнула. Несомненно, некоторые из заключенных провели здесь многие годы, за которые успели утратить всякий интерес к тому, что происходит за стенами их камер. Но она не могла подавить собственное беспокойство. Тирлинг в безопасности, убеждала она себя, хотя бы на те три года, что она выторговала. Но что если она сгниет в этих подземельях? В голове метались смутные мысли о Уильяме Тире, образы его утопии, его Города, уже начинавшего гнить изнутри. Но все это произошло бы вне зависимости от того, заперли ее здесь, или нет. Прошрое в ее голове можно было увидеть, но изменить – нельзя.

«Почему нет?»

Келси подпрыгнула, но прежде чем она смогла вернуться к прерванным размышлениям, до ее ушей долетел отдаленный звук: стук нескольких пар каблуков, идущий из правой части коридора. Когда шаги приблизились, царапание за стеной стихло. Каблуки простучали по двум небольшим, невидимым отсюда лестничным пролетам в дальнем конце коридора. Келси почему-то была уверена, что идут за ней, поэтому поднялась на ноги, чтобы, когда свет факелов появится из-за угла, ее увидели гордо стоящей в центре камеры.

Их было двое. Одним оказался тюремщик Келси, с тем же бездумным весельем в глазах и факелом в руке, а второй была женщина, наряженная в красивое платье из голубого бархата. Высокая, крепкая, с острым взглядом, она даже двигалась как-то по-особенному, заставив Келси подумать, что ее тренировали, и, возможно, даже в сражении. Келси покопалась в памяти и вспомнила, что рассказал ей Булава давным-давно: фрейлины Красной Королевы должны уметь справляться со всем.

– Она грязная, – заявила женщина на ужасно исковерканном мортгийском. – Ты не дал ей вымыться?

Тюремщик покачал головой, и Келси с удовлетворением заметила, что выглядел он слегка смущенным.

– Когда она ела в последний раз?

– По-моему, вчера.

– Ты, наверное, любишь свою профессию, да?

Тюремщик ответил ей туповатым взглядом, и в этот момент Келси поняла, что он просто притворяется. У ее тюремщика с головой явно было что-то не в порядке, и довольно серьезно, но дураком он не был.

– Отдай! – резко приказала женщина,хватила факел и подняла его повыше. Взгляд ее сузившихся глаз остановился на лице Келси. – Эту женщину били.

Тюремщик пожал плечами, уставившись в землю.

– Она была непослушной.

– Она очень ценная пленница. И помощник тюремщика не смеет и пальцем к ней прикоснуться, если только ее жизни не угрожает опасность. Понял?

Тюремщик угрюмо кивнул, пряча вспыхнувшую в глазах злость.

Но Келси напугала не столько эта злость, сколько то, с какой скоростью ему удалось ее скрыть, словно ее и не было.

– Свяжи ей руки и приведи на третий этаж, – велела женщина.

Тюремщик отпер камеру, и Келси напряглась, заметив, что женщина скрылась за углом.

– Красоточка особенная, – бормотал тюремщик себе под нос. – Но не для них, а для меня. Красоточка – моя.

Келси скривилась от отвращения. Казалось, сейчас был самый подходящий момент, чтобы развеять его заблуждения, ведь едва ли он теперь решится ее бить, не рискуя навлечь на себя гнев дамы в голубом. Она заговорила по-мортгийски, тщательно подбирая слова.

– Я принадлежу только себе, и никому другому.

– Нет, нет, красоточку бы не заперли здесь, если бы она не принадлежала мне, только мне одному.

Келси с трудом подавила непреодолимое желание пнуть его в коленную чашечку. Она видела, как Булава показывал этот прием, как один из способов причинить значительную боль противнику, не имея оружия: прямо в колено, дробя кость на множество осколков. В последние дни Келси не чувствовала в себе магии, и могла рассчитывать лишь на собственную силу, но ей казалось, что она справится, а вопли боли в исполнении этого психа стали бы самой приятной музыкой для ее ушей. Но что она станет делать потом?

– Руки, – велел тюремщик, ставя факел в кольцо. Келси вытянула руки, позволяя застегнуть оковы на запястьях.

– Красоточка не особо спешит.

– Может и так, – согласилась Келси. – Но, прежде чем красоточка покинет эти подземелья, она с тобой разберется. Можешь быть уверен.

Мужчина взглянул на нее с изумлением.

– Чепуха. Она всего лишь пленница.

– Нет. Она – королева.

– Да. – Мужчина закончил возиться с ее оковами и погладил ее по волосам. Конечно, он мог бы дотронуться и до другого места, еще более неподходящего, но этот собственнический жест заставил Келси содрогнуться от отвращения. – Моя собственная королева.

Она устало закатила глаза.

– Иисусе, да идем уже.

– Женщины не должны поминать Господа всуе.

– Отвяжись.

Он моргнул от удивления, но не ответил, а просто взял ее за руку и повел к выходу. Келси отдала бы сейчас все сокровища мира за то, чтобы вернуть свои сапфиры. Малейшее мысленное усилие, и гадкий тюремщик сдох бы в муках. Она могла бы заставить его страдать целыми днями, если бы захотела.

«Жестокость», – раздался шепот в ее голове, и на мгновение перед глазами возникло лицо Арлена Торна. – *Ты хотела оставить все это в прошлом, помнишь?»*

Она помнила; тот момент в палатке Красной Королевы поставил крест на всех идеях Келси об использовании жестокости. Но ненависть была сильнее, чем память, бесконечно сильнее, и в этой ненависти Келси чудились отголоски мыслей той, другой женщины, которой она становилась в последние свои недели в Цитадели: Королевы Пик. Келси действительно хотела выгнать эту женщину из своей головы, но она не желала уходить так просто.

Миновав коридор, они преодолели несколько лестничных пролетов. В подземелья Келси вели другим путем, и на верхнем лестничном пролете Келси с разочарованием увидела массивную стальную дверь, охраняемую двумя стражами изнутри и двумя снаружи.

«Вот вам и планы побега», – мелькнула мрачная мысль. Можно расшибить голову об эту стальную дверь, и ничего не добиться. Она смотрела в пол все время, пока внутренняя охрана отпирала дверь. Рука тюремщика опустилась на ее зад, заставив подпрыгнуть. Теперь она всем телом, словно лихорадку, ощущала жажду заполучить свои сапфиры.

Они вошли в длинный коридор, высокие стены которого были затянуты алым шелком, переливающимся в свете множества факелов. Выглядело это очень красиво, и Келси заметила в этом очередное несоответствие образу Красной Королевы: королевы-ведьмы, которой ее пугали с детства, безжалостной и бессердечной.

«Это не так, – шептал ее разум. – Сердце у нее есть, и в нем много разного. И ты это знаешь».

Келси знала. Пока тюремщик вел ее по очередным ступенькам, Келси гадала, не решила ли Красная Королева наконец-то ее убить. Келси пощадила Красную Королеву, но была уверена, что это в расчет не принимается. Теперь Красная Королева будет считать Келси досадной помехой, ведь ей стало известно многое из того, что эта женщина намеревалась похоронить в своей памяти. Она знала имя Красной Королевы.

«*Мне нужно выжить*, – подумала Келси, – *иначе как я смогу вернуться домой?*» А за первой мыслью пришла вторая, тише, но не менее важная: «*Как я тогда узнаю конец истории?*» Красной Королеве было что-то нужно, иначе она ни за что не потащила бы Келси в это адское место, и теперь Келси чувствовала, как мозг включается на полную мощность, готовясь торговаться до последнего. Они уже торговались прежде, Келси и Красная Королева, и тогда Келси чудом удалось выиграть. Она не собиралась недооценивать женщину в красном.

Наверху третьего лестничного пролета ее ждала фрейлина Красной Королевы. Она отпустила тюремщика небрежным взмахом руки.

– Тут я за ней присмотрю.

Тюремщик нахмурился, как обиженный ребенок, оставшийся без сладкого.

– Я должен быть с ней рядом.

– Ты должен выполнять то, что велено.

Его глаза вспыхнули, и Келси, собиравшаяся показать ему язык напоследок, внезапно передумала. Она не собиралась мириться с отвратительными приставаниями и бредовыми идеями этого человека, но и смысла провоцировать его тоже не видела.

«*Всего за секунду*, – думала она, пока тюремщик – крайне неохотно – отдавал ключи от ее оков. – *Всего за секунду я бы вывернула тебя наизнанку, будь у меня мои сапфиры*».

– Идемте, – обратилась к ней фрейлина. Теперь она говорила на тирийском, и он, в отличие от мортийского, был очень хорош. – Я приготовила вам ванну и чистую одежду.

Услышав об этом, Келси просияла, и поторопилась вслед за женщиной, в итоге почти перейдя на бег. Тюремщик все же оставил ей ботинки, ее отличные ботинки для верховой езды, надетые в то далекое утро. Они сослужили ей хорошую службу, когда пришлось бегом пересекать Новолондонский мост. Восстановит ли Булава этот мост? В казне оставалось совсем мало денег, поэтому грандиозная стройка выглядела бы по меньшей мере странно.

«*Посмотри на себя!* – подумала она с насмешкой. – *Пытаешься править даже отсюда!*»

Принимать ванну в присутствии другой женщины было непросто. Келси давным-давно запретила Андали помогать ей купаться, а ведь от той могла бы быть хоть какая-то польза, в то время как эта женщина просто прислонилась к стене, глядя на нее без всякого выражения.

– Кем ты служишь? – наконец спросила Келси.

– Я – фрейлина Ее Величества.

Итак, Келси не ошиблась. Но все же, фрейлина-тирийка! У самой Келси фрейлин не было; Андали со всем отлично справлялась сама. А ведь Красная Королева, как известно, презирала все тирийское. В этой женщине наверняка есть что-то особенное.

– Как тебя зовут?

– Эмили.

– Как ты здесь оказалась? Попала в поставку?

– Вымойте волосы, пожалуйста. Мы проверим, есть ли вши, когда вы закончите.

Келси еще мгновение рассматривала ее, прежде чем окунуться с головой. Ее волосы, теперь ставшие длинными и прямыми, как у Лили, спутанной копной спадали до середины спины. На то, чтобы их расчесать времени ушло немало, но к облегчению Келси, вшей у нее не было. Для нее приготовили черное платье. Намеренно это было или случайно, Келси не знала, но приняла наряд с благодарностью, обнаружив, что он сшит из приятной и безусловно дорогой шерстяной ткани.

– Идемте, – позвала фрейлина. – Королева ждет.

Келси последовала за ней по длинному коридору с потухшими каминами. Здесь повсюду была стража, но несмотря на мундиры королевского алого цвета, они не были похожи на личную гвардию. В отличие от Келси, Красной Королеве не было необходимости запираяться в единственном крыле своего дворца в окружении кучки избранных. Каково это, гадала Келси, чувствовать себя в безопасности на троне?

Они направились к черной двустворчатой двери в конце коридора, рядом с которой замер страж, определенно входивший в личную гвардию. Он казался смутно знакомым, но было и кое-что еще: он определенно гордился своей должностью, пусть даже она заключалась в стоянии у дверей. Это была просто работа для тех, кого Келси видела в коридоре, но не для этого мужчины. По кивку фрейлины он дважды постучал, прежде чем открыть двери.

Келси ожидала, что окажется в тронном зале, и только сделав несколько шагов поняла, что это личная спальня Королевы. Все было обтянуто алым шелком: стены, потолок и даже огромная кровать, занимающая большую часть комнаты. Еще там стоял огромный письменный стол из дуба и диван, обитый красным бархатом. Ничего золотого здесь не было, и Келси поняла, что не так себе представляла Красную Королеву. Бархат и шелк были роскошью, но комната не казалась вызывающей или безвкусной. Она скорее говорила о том, что ее владелица – сильная личность.

– Келси Глинн.

Красная Королева стояла у дальней стены. Ее платье настолько идеально сочеталось с окружающей обстановкой, что Келси не сразу удалось ее разглядеть. Но теперь она заметила, что Королева нездорова. Она была бледной, а из-за воскового оттенка кожи казалось, будто женщину лихорадит. Синяки под глазами ясно указывали на то, что она давно уже не спала. *«И в этом она не одинока»*, – подумала Келси горько.

– Это все, Эмили. Гислен, оставь нас.

Тут бы Пэн точно возразил – ах, и Пэна вспоминать также не стоило; его потрясенное лицо в тот момент на Новолондонском мосту будет преследовать Келси до конца ее дней – а личный страж Красной Королевы только поклонился и покинул комнату. Это он надел на нее оковы тогда, в палатке, внезапно вспомнила Келси. Она думала, что он перережет ей горло, но он просто заковал ее в железо и увел прочь. Почему же кажется, что все это было давным-давно?

– Сядь, – велела Красная Королева по-мортийски, указывая на красный диван. Может, она и была больна, но в ее глазах по-прежнему светилась невозмутимость, словно маяк в бушующем море. Келси восхищалась этим умением сохранять внешнее спокойствие и мечтала узнать, как этому можно научиться. Она пыталась удержать на лице невозмутимое выражение, но это было не просто. Ее сапфиры были где-то здесь, и, хотя Келси отдала их добровольно, Королева Пик желала получить их назад.

Она уселась – не самое простое дело со скованными запястьями – и поняла, что этот диван – самый мягкий из всего, на чем она сидела. Казалось, она утопает в мягчайшем бархате. Красная Королева устроилась в кресле неподалеку и несколько мгновений пристально разглядывала Келси, заставив ту изрядно понервничать.

– Раньше ты была невзрачной, – заметила Красная Королева. – Я тебя видела в своих снах. А сейчас тебя больше невзрачной не назовешь, да?

– Как и вас, Алая леди.

Лицо Красной Королевы закаменело, выдавая вспыхнувшее раздражение.

– Как тебя устроили?

– Без особого комфорта, но я бывала в местах и похуже.

– Правда?

Красная Королева окинула собеседницу острым, заинтересованным взглядом, и Келси пришлось напомнить себе об осторожности. Там, в палатке, Красная Королева узнала в ней

женщину с портрета, Лили. Пусть она и не догадывалась о том, что это Лили, но ее интерес к тому портрету и изображенной на нем женщине мог стать для Келси неплохим козырем в переговорах. Но о чем будут переговоры? Что может Келси предложить этой женщине в обмен на свою свободу?

– Намного хуже было оказаться запертой в обреченном городе со связанными руками.

– Руки у тебя были свободны.

«Я тогда этого не знала», – почти проговорила Келси, но потом вспомнила Булаву, того Булаву, который имея дело с врагом, не выдавал ничего. Мысль о нем успокоила Келси, послужила точкой опоры. Она никогда не увидит Булаву, если не сможет вернуться домой.

Красная Королева сунула руку в карман платья и вытащила оба сапфира, позволив им дразняще свисать с пальцев.

– Хотела бы я знать, что ты сотворила с этими камнями. Почему я не могу заставить их работать?

Келси уставилась на камни, пытаясь разобраться в собственных чувствах. Она тосковала по ним столько дней, мечтая о том, какой ад бы устроила, окажись они снова в ее руках. Но вот она видит их и не чувствует при этом ничего, точно так же, как ничего не чувствовала, отдавая их. Что бы это значило?

Видя, что Келси никак не реагирует, Красная Королева пожала плечами.

– Никто не понимает их, эти камни Тира. Даже те, кто их носит. Элисса тоже не имела ни малейшего понятия об их силе. Она просто считала их красивыми безделушками, но все равно не желала с ними расставаться. Я так и не смогла заставить ее сделать это, даже в обмен на свободу для ее королевства.

– Я уже слышала немало мнений о королеве Элиссе, но мне интересно, что скажете вы?

– Скажу, что ей ни за что нельзя было доверять королевство.

– Это очевидно для всех. Но какой она была?

– Недалекой. Беспечной.

Келси выбрала бы те же самые слова. Она вжалась в подушки.

– Позволь дать тебе бесплатный совет, Глинн. Ты слишком заиклилась. Узы крови сильны настолько, насколько мы сами позволяем. Некоторые родители – настоящий яд, и нужно просто оставить мысли о них в прошлом.

– Думаете, это так легко?

– Да. – Красная Королева перебралась на другой конец дивана. – Наследник и запасной. Если бы не это, моя мать, как и твоя, вовсе не стала бы рожать детей. Осознав это, я оставила ее в прошлом и ни разу не обернулась.

«Она лжет», – подумала Келси. Она видела, хоть и недолго, мысли этой женщины, и Прекрасная Королева мелькала в них на каждом шагу.

– Кто твой отец? – спросила Красная Королева. – Признаюсь, мне ужасно любопытно.

– Как и мне.

– Так ты тоже не знаешь? – Красная Королева с усмешкой покачала головой. – Ах, Элисса.

– Вам не задеть меня издевками над моей матерью.

– А кто над ней издевается? У меня в постели каждую ночь новый мужчина. Мы же не тирийцы, чтобы заставлять женщину отказываться от всех наслаждений мира. Но вот хранить секреты – это на Элиссу непохоже. А еще более странно, – задумчиво протянула Красная Королева, сжав сапфиры, – что они тебе не сообщили.

Келси пожала плечами.

– Может и не странно. У меня никогда не было особого желания это узнать.

– Тебя не волнует, кто был твоим отцом?

– А должно? Не он меня растил, и не он воспитывал. Этим занимались другие.

– Но кровь – не вода, Глинн. – Красная Королева печально улыбнулась, и Келси с тревогой поняла, что почти сочувствует ей. Пусть она не особо глубоко проникла в воспоминания своей противницы, но разорвать внезапно образовавшуюся связь оказалось невозможно. Прекрасная Королева продала свою дочь, как корову на рынке, и ее предательство до сих пор омрачало разум Красной Королевы, выжигая из него все доброе и светлое. – Кровь влияет на наше развитие и характер – просто мы пока еще не знаем как.

– Ах, да. Я слышала, что вы считаете себя генетиком.

– Это только слово. На самом деле, я очень мало знаю о генах. И технологию восстановить нам пока так и не удалось. Но черты, Глинн, черты... их я вижу, и за их проявлением наблюдаю. Мы сейчас на уровне Менделя, и нам предстоит немало узнать и понять о поведении.

– Мендель исследовал лишь физические признаки.

– Он был недостаточно амбициозен. Существует наследование и психических характеристик.

– И это говорит мне женщина, только что заявлявшая, что узлы крови – ничто.

Красная Королева одобрительно улыбнулась, но это не принесло Келси особого удовлетворения. Чего эта женщина от нее хочет?

– Вы сами сказали, что никто не понимает эти камни. С чего вы решили, что я понимаю?

– Ты должна. Они иссушены. Я никогда о подобном не слышала, но тем не менее. Что ты сделала?

– Не знаю, – искренне ответила Келси. – Почему бы вам не спросить у Роу Финна?

– Кто такой Роу Финн?

Келси сузила глаза. Если эта женщина решила поиграть с ней, то она откажется говорить. Но затем, вспомнив о том, что увидела в голове Красной Королевы, она поняла, что та, вполне возможно, просто не знает настоящего имени Финна. У этих двух определенно была своя история, и Келси даже мельком уловила смутное воспоминание о мертвом ребенке... но на этом все обрывалось. Та ее атака на разум Алой леди была слишком короткой.

– Прекрати.

Красная Королева схватила ее за руку.

– Я знаю, что ты делаешь. Это нечестно.

– Нечестно? Вы заперли меня в клетке.

– То, что ты рассматриваешь, не твое. Ты это украла. Я никогда не лезла тебе в голову.

– Но залезли бы, если бы могли, Алая леди.

– И что это меняет?

Вопрос поставил Келси в тупик. Она была уверена, что это действительно что-то меняет... но так ли это на самом деле? Булава сказал бы «да», но у Келси не было прежней уверенности. Если она может это сделать, если могли бы другие, оправдывает ли это ее действия?

– Мне каждую неделю отчитываются о состоянии дел в твоём королевстве, – продолжила Красная Королева с легкой издевкой в голосе. – Келси Глинн, королева с высокими принципами. Твое правительство провозглашает тайну личной жизни. Даже твой новый суд – настоящее посмешище – опирается на этот принцип в своей работе. Личная жизнь священна, Келси Глинн. Так что, ты следуешь провозглашенным тобой принципам, или нет?

Келси скривилась, догадавшись, что ее проверяют. Было что-то неправильное в доводах Красной Королевы, но они были справедливы. Нельзя провозглашать тайну личной жизни для одних, и вторгаться в жизнь других. После секундного раздумья она отпустила ткань чужих воспоминаний, и они бесформенной массой опустились в глубины ее разума, как спадает к ногам снятое платье.

Красная Королева кивнула, сказав с легким оттенком триумфа в голосе:

– Принципы делают тебя слабее, Глинн. Их всегда можно использовать против тебя в самое неподходящее время.

- Отсутствие принципов еще хуже.
- Нужно искать середину.
- Полагаю, это типично мортыйский подход. Отбрасывать все неудобное.
- Что ты сделала с этими сапфирами? Я требую ответа.
- И что вы готовы отдать за него?
- Не испытывай мое терпение, Глинн. От него зависит твоя жизнь.

«Ей действительно что-то нужно, – поняла Келси, – не просто информация, что-то большее». Эта мысль привела ее в восторг, и она уверенно откинулась на спинку дивана, скрестив ноги.

- Ты ничего не говоришь.
- А должна? Я так и не услышала предложения.

Лицо Красной Королевы перекошилось. Келси показалось, что она похожа на собаку, замершую перед миской с запретной едой.

– У вас так ввалились глаза, что во впадинах можно устроить уютное гнездышко, Алая леди. Что вас тревожит?

– Ты права, – медленно произнесла Красная Королева. – Я плохо сплю. Мне досаждают видения.

- Чего?
- Будущего, чего же еще?

«Прошлого», – почти вырвалось у Келси, но ей удалось удержать слова.

- Чума пришла на мои земли.

Келси моргнула.

- Болезнь?
- Не в прямом смысле. Эта чума идет из Фэрвитча.

Келси показалось, что сердце стиснула холодная рука.

– В твоём Тирлинге его называют Сиротой. Древнее чудовище, полное злобы. – Красная Королева взглянула на нее, прищурившись. – Но, думаю, тебе он знаком в другом обличье, Глинн. Возможно, в облике юноши. Юноши, привлекательного, как сам дьявол.

Келси хранила молчание, потому что знала, что ни на йоту не может доверять женщине, сидящей перед ней, но ее мысли непроизвольно понеслись назад, далеко в прошлое, к мальчику по имени Роу Финн, который уже успел ощутить пренебрежение со стороны города Уильяма Тира.

«Он всегда был здесь, – подумала Келси. – Всегда рядом, готовый уничтожить мое королевство, а возможно и весь новый мир. И я освободила его».

- Ужас наступает с севера, тесня моих людей на юг. Целые деревни стерты с лица земли.
- Что за ужас?

– Дети, – коротко ответила Красная Королева, скривившись в гримасе отвращения, за которой мелькнуло что-то еще; может, вина? – Они идут от деревни к деревне, вырезая стариков и забирая детей.

Келси закрыла глаза. В тот самый момент, когда она подарила Финну прощение, она *ощутила*, что это неправильный выбор, поняла, что острая необходимость в очередной раз заставила ее принять ужасное решение. За закрытыми веками замелькали картинки клеток перед Цитаделью, специальных клеток для маленьких детей. Память о них не принесла облегчения, лишь чувство полной беспомощности. Сделала ли она хоть что-то полезное за время своего правления? Что-нибудь значительное с исторической точки зрения?

«Озимандия, царь царей», – раздался шепот в ее голове, не ехидный, а скорее полный тоски, как ветер, что воет в пустоши. Когда-то Карлин заставила ее выучить это стихотворение Шелли, и теперь Келси точно знала, зачем.

- Почему дети? – спросила она.

– Не знаю. Это существо всегда требовало детей. Годами мне приходилось отбирать их из каждой поставки на случай, если понадобится его помощь.

– Что за помощь?

– Он многое знает. Просто знает и все. Если где-то в моем королевстве зрел мятеж, он знал, и мне удавалось задавить его в зародыше. Если мне нужно было найти кого-то – беглеца или предателя – он говорил где. Но только не тебя, Глинн. Он защищал тебя всю твою жизнь. Он всегда охотно делился информацией, о чем угодно – за определенную плату, конечно – но ни разу не сказал ни слова о тебе, о том, где ты. Как ты думаешь, почему?

Келси отвернулась, чувствуя прилив тошноты.

«Неправильный выбор!»

– Пламя позволяло ему бывать там, куда мне не было доступа, но теперь пламя ему не нужно. Он идет из деревни в деревню, а за ним всегда приходят эти дети и жрут моих людей.

Казалось, слова, словно клинок, бьют в самое сердце Келси, но она просто пожала плечами и спросила: – А причем здесь я? Он сказал, что ненависть ведет его сюда.

– В Мортмин?

– К вам, Алая Леди. Что мне до того, что он идет за вами?

– Не будь душой, девчонка. Эти дети все крушат не просто так. Они превращают в руины по деревне за раз. Ломают дома, разрывают поля и могилы... они что-то ищут.

Разрытые могилы... еще одно напоминание о Городе. Келси беспокоило, что прошлое и настоящее больше не отделены друг от друга. Даже время Лили, какими бы яркими не были те видения, всегда отличалось от реальности. Что за дела могут быть у жителей Города в ее времени?

Она потрясла головой, прогоняя лишние мысли.

– Ищут что?

– Кто знает? Но если они не найдут этого в моем королевстве, отправятся в твое.

– Финн не может быть настолько силен.

– Может, и тебе это известно. Это существо веками выживало на одной злобе.

– Ну и что я могу с ним сделать?

– Вы, идеалисты, все одинаковы, – процедила Красная Королева. – Думаете, если вы не желаете причинять вреда, значит ваши решения безопасны. Это существо было в плену, Глинн... связано магией столь темной, что даже мне никогда не найти ее источника. А теперь эти оковы разрушены, Сирота на свободе, и я знаю, что выпустила его ты. Ты породила эту чуму.

Келси почувствовала, как в ней вскипает гнев, бурля под внешне невозмутимой, как она надеялась, поверхностью. И она обрадовалась этому гневу, как старому другу, и распахнула ему дверь.

– Наглости вам не занимать, Алая леди. Хотите поговорить об ответственности? Вспомните о своей. Тысячи людей вывезены из моего королевства, тысячи мужчин, женщин и детей присланы сюда, чтобы работать до тех пор, пока не умрут от истощения и побоев. А скольких из них вы лично отдали Роу Финну? С самого начала поставки детей забирали больше, чем взрослых, и, спорю на свою корону, они нужны были именно для него. Если мои руки в крови, то вы в ней просто купаетесь.

– И это позволит тебе спокойно спать по ночам?

Келси скрипнула зубами. Споры с этой женщиной выводили ее из себя, поскольку та нисколько не стыдилась своей двуличности.

– Может и нет, но мне не нужно запугивать людей, чтобы править ими. У меня нет тайной полиции, нет Дукарте.

– Но тебе бы хотелось их иметь.

– Думаете, я завидую? – неверяще спросила Келси. – Вам?

– Мой народ живет в сытости и безопасности более сотни лет. Тебе о таком остается только мечтать. А ты смогла лишь обречь нас всех на гибель.

– Вы меня не знаете. Я выстрадала каждое решение, которое мне приходилось принимать.

– Но ни одно из них не было настолько вредоносным. Темное существо...

– Его зовут Роу Финн. Вы не особо много знаете о нем, да?

– Как и ты.

– Я как раз знаю, – ответила Келси, внезапно ощутив, что она на правильном пути. – Я знаю о нем больше, чем вы можете себе представить. Он вырос в городе Уильяма Тира. Имя его матери – Сара. Он имел исключительные способности к работе с металлом.

– Ты лжешь.

– Нет.

– Он бы никогда не рассказал тебе всего этого.

– Он и не рассказывал.

Долгое мгновение Красная Королева в упор смотрела на Келси.

– Тогда откуда ты это узнала?

– Не только вас посещают видения. – Келси секунду помедлила, потому что у нее уже вошло в привычку отрицать истинную природу своих фуг – а затем продолжила. – Я вижу Высадку, время, когда Новый Лондон был просто большой деревней на холме, возглавляемой Уильямом Тиром.

– Какая польза от видений из прошлого?

– Отличный вопрос, но каков бы ни был ответ, я все равно это вижу: через пятнадцать лет после Высадки город Тира уже начал гнить изнутри. – Сказав это, Келси поняла, что историки ввели их в заблуждение; Карлин всегда учила, что падение утопии Уильяма Тира связано с его смертью. Но оно началось задолго до нее, когда прежние пороки человечества полезли из всех щелей. Келси замечала их во всех жителях города, даже в Кэти, которую воспитывала одна из самых преданных последователей Тира. Даже у Кэти были сомнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.